

Рекс Тодхантер Стаут
Где Цезарь кровью истекал (сборник)
Серия «Великие сыщики. Ниро Вульф»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11635852

Стаут Р. Где Цезарь кровью истекал : [романы] : ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора»;

СПб; 2014

ISBN 978-5-367-03089-1

Аннотация

В настоящее издание вошли романы «Где Цезарь кровью истекал» и «Слишком много поваров», где действуют непревзойденный детектив Ниро Вульф и его помощник Арчи Гудвин.

Содержание

Где Цезарь кровью истекал	5
Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	26
Глава пятая	32
Глава шестая	35
Глава седьмая	41
Глава восьмая	45
Глава девятая	50
Глава десятая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Рекс Стаут

Где Цезарь кровью истекал (сборник)

Rex Todhunter Stout

Some Buried Caesar

Too Many Cooks

Some Buried Caesar © Rex Stout, 1939

Too Many Cooks © Rex Stout, 1938

Настоящее издание выходит с разрешения литературных агентств
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014

Где Цезарь кровью истекал

Глава первая

Этот солнечный сентябрьский день оказался полон неожиданностей.

Первая из них произошла, когда я, мгновенно сообразив, что машина не перевернулась вверх тормашками, а все стекла целы, выключил зажигание и обернулся.

Я не ожидал, конечно, увидеть его на полу, потому что он всегда пристегивался ремнями, но был уверен, что мне предстоит выдержать его взгляд, преисполненный дикой ярости. Однако я увидел, что он совершенно спокойно сидит на своем месте и его круглое лицо выражает лишь облегчение, я бы даже сказал, умиротворенность. Я застыл от изумления.

– Слава богу, – прошептал он.

– Что? – вырвалось у меня.

– Я сказал: «Слава богу».

Вульф отстегнул ремни и погрозил мне пальцем.

– Это все-таки произошло. Ты ведь знаешь мое недоверие к автомобилям. Я глубоко убежден, что они только делают вид, будто слушаются руля, но рано или поздно начинают капризничать. Так оно и вышло. Но мы уцелели. Слава богу, что на этот раз каприз оказался не смертельным.

– Какой там к черту каприз! Вы хоть понимаете, что произошло?

– Конечно. Я же сказал – каприз. Отправляйся!

– В каком смысле «отправляйся»?

– Я имею в виду – поехали дальше. Заводи эту чертову машину.

Я открыл дверцу и выбрался наружу – посмотреть, что стряслось. Полюбовавшись зрелищем, которое предстало передо мной, я распахнул заднюю дверцу и доложил:

– Ничего себе каприз! Пожалуй, надо записать этот случай. Впервые за девять лет, что я вожу ваши машины, мне пришлось остановиться не по собственному желанию. Вчера колесо было в полном порядке. Должно быть, оно напоролось на стекло – в гараже, где я оставил его прошлой ночью, или по дороге, хотя последнее маловероятно. Во всяком случае, мы ехали со скоростью пятьдесят пять миль, когда лопнула шина. Седан съехал с дороги, и все было бы нормально, не окажись тут это проклятое дерево. А теперь вот бампер погнут, капот помят, радиатор течет...

– Сколько тебе понадобится времени на ремонт?

– Нисколько. Легче восстановить Помпею.

– Кто же отремонтирует машину?

– Механики в гараже.

– Но ведь мы не в гараже.

Вульф закрыл глаза. Спустя несколько мгновений он приоткрыл их и спросил со вздохом:

– Где мы?

– В двухстах тридцати семи милях к северо-востоку от Таймс-сквер. В восемнадцати милях к юго-западу от Кроуфилда, где ежегодно проходит Североатлантическая ярмарка, которая открывается во второй понедельник сентября и продолжается...

– Перестань паясничать, Арчи. – Он посмотрел на меня с упреком. – Что мы теперь будем делать?

Признаться, я был растроган. Сам Ниро Вульф спрашивал меня, что нам делать!

– Не знаю, как вы, – сказал я ему, – но я собираюсь покончить жизнь самоубийством. На днях я вычитал в газете, что японцы всегда так поступают, когда подводят своего императора. А чем я хуже какого-нибудь японца? У них это называется сэппуку. Не харакири, как вы могли бы подумать, – так они крайне редко говорят, – а именно сэппуку.

– Что же нам теперь делать? – терпеливо повторил он.

– Остановим попутную машину и попросим подвезти. Желательно до Кроуфилда, где для нас оставлен номер в отеле.

– Ты поведешь ее?

– Кого?

– Машину, которую мы остановим.

– Я не уверен, что ее владелец доверит мне свою машину, увидев, что случилось с нашей. Вульф поджал губы.

– Я не поеду с чужим водителем.

– Тогда я отправлюсь в Кроуфилд один, возьму напрокат машину и вернусь за вами.

– Нет. Это займет два часа.

Я пожал плечами.

– Выше по дороге, примерно в миле отсюда, стоит дом. Мы проезжали мимо него. Могу прогуляться туда и позвонить в Кроуфилд, чтобы за нами приехали.

– А я останусь наедине с этим покалеченным чудовищем?

– Совершенно верно.

Он отрицательно покачал головой.

– Вы не согласны?

– Нет.

Я отошел в сторонку, чтобы окинуть взглядом окрестности. День стоял прекрасный, и окружающие нас холмы и ложбины уютно дремали на солнце. С тех пор как седан съехал с дороги и врезался в дерево, по ней еще не прошла ни одна машина. Впереди, ярдах в ста, шоссе сворачивало и исчезало за деревьями. Дом, который мы проехали, виден не был. Вдоль дороги тянулся белый дощатый забор, а позади него лежало зеленое пастбище. За пастбищем, между деревьями, виднелась крыша какого-то здания. Никакой дороги туда не просматривалось, и я решил, что она должна находиться впереди, за поворотом.

Вульф поинтересовался, какого черта я стою, и мне пришлось вернуться к машине.

– Гаража нигде не видать, – известил я, – но вон там, среди деревьев, стоит дом. По дороге до него не меньше мили, но, если пойти напрямик через пастбище, можно выгадать ярдов шестьсот. Коли вас так пугает общество машины, остаться возле нее могу я – у меня есть оружие. А вы пойдете и позвоните. Ближе домов нет.

Вдали послышался собачий лай.

Вульф взглянул на меня.

– Там же собака!

– Вы угадали, сэр.

– Возможно, она из этого дома. Я не расположен сражаться со спущенным с цепи псом.

Мы отправимся вдвоем. Только через забор я не полезу.

– Вам и не придется. Там есть ворота.

Он тяжело вздохнул и нагнулся к корзинам, одна из которых стояла на полу, а другая – на сиденье машины. В них были горшки с орхидеями. Цветы от каприза машины не пострадали. Затем Вульф начал вылезать из автомобиля, а я посторонился, освобождая для него пространство, которого ему требовалось довольно много. Выбравшись на волю, Вульф потянулся, вскинув к небу, словно клинок, свою трость яблоневого дерева, хмуро обвел взглядом окрестности и вслед за мной направился к воротам.

Мы были уже на пастбище и я закрывал за собой ворота, когда со стороны дома до меня донеслись крики. Я обернулся и увидел какого-то типа, сидевшего верхом на заборе. Он орал, чтобы мы уходили. На таком расстоянии я не мог с уверенностью судить, что у него в руках – дробовик или винтовка. Он еще не целился в нас, но уже, по меньшей мере, грозил, потрясая оружием. Пока я закрывал ворота, Вульф успел уйти вперед. Я подбежал и схватил его за рукав.

– Стойте! Если там сумасшедший дом, а перед нами один из его обитателей, то он может принять нас за сурков или диких индеек и...

Вульф возмущенно фыркнул:

– Это просто какой-то болван. Мы же находимся на коровьем выгоне.

Будучи истинным детективом, он поспешил представить вещественные доказательства, для чего ткнул тростью в направлении коричневой кучи у наших ног. Затем обозрел сидевший на заборе источник угроз, громко велел ему замолчать и двинулся дальше. Я последовал за Вульфом. Парень продолжал вопить, но мы упорно продвигались вперед. Происходящее нравилось мне все меньше и меньше, потому что дробовик, который я разглядел-таки в руках у психа, вполне мог попортить нам шкуры.

Посреди пастбища возвышался довольно крупный валун, и мы находились уже поблизости от него, когда произошла еще одна неожиданность.

Мое внимание было полностью поглощено психом с дробовиком, который торчал на своем насесте и орал все громче, как вдруг я почувствовал, что пальцы Ниро Вульфа сжали мой локоть, и тут же прозвучала его команда:

– Стой! Не шевелись!

Я замер на месте. Вульф, не поворачиваясь в мою сторону, сквозь зубы произнес:

– Стой абсолютно неподвижно. Медленно, очень медленно поверни голову направо.

Я решил было, что Вульф тоже спятил, но тем не менее поступил, как мне было приказано. Тут-то меня и ждал сюрприз. Справа, футах в двухстах, я увидел громадного быка – раньше я ни за что не поверил бы, что быки могут достигать таких колоссальных размеров. Красно-рыжий, с белыми пятнами и большим белым треугольником на морде, бык неторопливо и уверенно приближался к нам, время от времени потряхивая головой, то ли потому, что нервничал, то ли оттого, что пытался прогнать назойливых мух. Внезапно он остановился и, вытянув шею, принялся нас разглядывать.

Сзади послышался приглушенный голос Вульфа:

– Хотя бы тот болван перестал орать. Тебе что-нибудь известно о повадках этих животных? Ты видел бой быков?

Я пошевелил губами ровно настолько, чтобы прошепестеть:

– Нет, сэр.

– Стой спокойно, – пробормотал Вульф. – Ты шевельнул пальцем, и у быка тут же напряглась шея. Ты быстро бегаешь?

– Думаю, до забора добежать успею. Но вам это вряд ли удастся.

– Сам знаю. Лет двадцать назад я занимался спортом... Он уже роет землю копытами. И голова опущена. Если он на нас ринется... И еще эти идиотские вопли. Потихоньку отходи назад. Смотри прямо на него. Он последует за тобой. Когда он бросится на тебя – поворачивайся и беги к забору.

Я так и не успел выполнить эти наставления. Ни я, ни Вульф не двигались с места, поэтому, наверное, быка раздражил наш недруг на заборе. Может быть, он даже спрыгнул на землю. Как бы то ни было, бык напряг шею и перешел к активным действиям. Даже если целью нападения был выбран тот псих, нам от этого легче не стало, поскольку мы находились как раз на линии атаки.

Бык надвигался на нас, как таран. Возможно, стой мы спокойно, он бы проскочил футах в трех правее, но стоять спокойно, когда на тебя несется разъяренное чудовище, выше человеческих сил. Вспоминая об этом теперь, я предпочитаю думать, что, задав стрекача, решил тем самым отвлечь внимание быка от Ниро Вульфа, но, сказать по правде, тогда я об этом и не помышлял. Я слышал позади себя топот копыт и готов поклясться, что ощущал спиной горячее дыхание. В то же время я уловил впереди какой-то шум и смутно различил красное пятно над оградой – там, где надеялся через нее перемахнуть. Вот и забор. Даже не пытаясь притормозить, я с ходу взлетел на него, но, когда мое тело уже готово было грациозно перелететь на другую сторону, одна рука вдруг сорвалась, и я плашмя повалился на землю. Я сел, тяжело отдуваясь, и услышал прямо на собой голос:

– Изумительно! Какое счастье, что я не упустила такое зрелище!

Я поднял глаза и увидел двух девушек. Одна была в белом платье и красном жакете, другая – в желтой кофточке и брюках.

– Прикажете повторить? – прорычал я.

Тот идиот с дробовиком бежал ко мне вприпрыжку, что-то несвязно выкрикивая. Я велел ему заткнуться, с трудом поднялся, захромал к забору – приземляясь, я сильно ушиб колено – и заглянул через него. Бык прогуливался ярдах в ста от меня, время от времени мотая головой. А посреди пастбища возвышался величественный монумент. Это был Ниро Вульф, со скрещенными на груди руками, стоявший на большом валуне. Я впервые видел его в такой позе и не мог отвести глаз, настолько торжественно и волнующе все это выглядело.

– Все в порядке, босс? – крикнул я.

– Скажи этому парню с ружьем, – отозвался Вульф, – чтобы загнал быка в стойло! И передай, что я еще с ним поговорю, когда выберусь отсюда!

Я оглянулся. Парень меньше всего на свете напоминал ковбоя. Он выглядел жалким и испуганным. Даже лицо его, со свернутым набок носом, казалось каким-то потрепанным. Тем не менее он напустился на меня:

– Откуда вы взялись? Почему не повернули обратно, когда я вам кричал? Какого черта...

– Попридержи язык, красавец. Мы представимся потом. Ты можешь загнать быка в стойло?

– Нет. И я хочу сказать...

– А кто может?

– Никто. Все на ярмарке. Через час, наверное, вернутся. И я хочу сказать...

– Потом скажешь. Ты хочешь, чтобы он целый час простоял на том валуне со скрещенными на груди руками?

– Он может сесть, в конце концов. Только пусть сию минуту уберется оттуда! Я охраняю быка.

– От кого? Уж не от меня ли?

– От кого угодно. Слушайте, если вы думаете, что это смешно...

Я повернулся к нему спиной и закричал Ниро Вульф:

– Он охраняет быка! Требуется, чтобы вы немедленно оттуда убрались! Он не может загнать быка, а те, кто могут, будут здесь через час.

– Арчи! – прогремел Вульф. – Когда я...

– Да нет же, ей-богу, я говорю правду! Мне этот бык нравится не больше, чем вам.

Воцарилось молчание. Затем с валуна послышалось:

– Значит, только через час?

– Так он говорит.

– Тогда тебе придется это сделать самому! Ты меня слышишь?

– Да.

– Вот и прекрасно. Лезь обратно и отвлекай быка. Прогуливайся перед забором. Там, кажется, была какая-то женщина в красном?

Я оглянулся по сторонам.

– Видимо, она уже ушла.

– Разыщи ее и одолжи эту красную штуку. Когда бык кинется на тебя, прыгай через забор. Повтори так несколько раз, продвигаясь на тот конец пастбища. Задержи его там, пока я не выберусь отсюда. Только пусть ему все время кажется, что он вот-вот до тебя доберется.

– Ладно.

– Что?

– Я сказал: «Ладно!»

– Хорошо. Приступай. Будь осторожен, не упади. Трава скользкая.

Когда я спрашивал девушку, не повторить ли для нее мой трюк, то подумал, что остроумно пошутил, но теперь... Ее нигде не было видно. Вторая, та, что в брючках, сидела на заборе. Я уже открыл рот, чтобы навести справки, как ответ прибыл сам, причем с другой стороны. Откуда-то из-за деревьев вынырнула машина с откидным верхом и остановилась перед воротами. Из машины высунулась девушка в красном и крикнула мне:

– Идите сюда и откройте ворота!

Я, прихрамывая, направился к ней, но парень с ружьем опередил меня, прыгая, словно гибрид козла и кенгуру. Когда я догнал его, он стоял возле машины, размахивая дробовиком, и декламировал законы про быков и про ворота.

Девушка убеждала его:

– Не упрямысь, Дейв. Не оставлять же его там! – Она повернулась ко мне: – Откройте ворота и, если хотите, залезайте в машину. Дейв закроет их за нами.

Но Дейв завизжал как полоумный:

– Оставьте ворота в покое! Клянусь богом, я буду стрелять! Мистер Пратт приказал стрелять, если кто-нибудь полезет на пастбище!

– Чушь, – сказала девушка. – Ты уже нарушил его приказание. Почему ты не стрелял раньше? И теперь почему не стреляешь? Стреляй, сбей его с валуна. Посмотрим, как ты это сделаешь. Ну как, хотите спасти своего приятеля или нет? – обратилась она ко мне.

Я поспешил отодвинуть засов и распахнул ворота. Бык сразу развернулся в нашу сторону, наклонив голову набок. Дейв изрыгал угрозы и размахивал ружьем, но мы не обращали на него внимания. Когда машина въехала на пастбище, я быстро забрался в нее, а девушка приказала Дейву закрыть ворота. Бык уже принял угрожающую позу и начал рыть копытами землю. Куски дерна так и летели ему под брюхо.

Тут я сказал:

– Подождите-ка, вы думаете, из этого что-нибудь выйдет?

– Не знаю. Попробуем. Или вы боитесь?

– Боюсь. Снимите эту красную штуку.

– Ну, это уж предрассудки!

– А я суеверный. Снимите.

Я помог девушке снять жакет и положил его на сиденье между нами. Затем я полез под пиджак и вынул из кобуры пистолет.

Девушка посмотрела на меня:

– Вы что, сыщик? Не валяйте дурака. Или вы надеетесь остановить быка с помощью этой штуки?

– Попытаюсь.

– На вашем месте я не стала бы этого делать. Если, конечно, вы не готовы выложить сорок пять тысяч.

– Что выложить?

– Сорок пять тысяч долларов. Это не простой бык. Это Гикори Цезарь Гринден. Так что спрячьте ваш пистолет.

Я глядел на нее несколько мгновений, а потом произнес:

– Уезжайте-ка вы лучше отсюда. А я последую инструкции и заманю быка в дальний конец пастбища.

– Нет. – Она нажала на газ. – Мне тоже хочется острых ощущений!

Нас трясло и болтало из стороны в сторону.

– С какой скоростью мне лучше ехать? Никогда еще никому не спасала жизнь. Кажется, для начала я выбрала довольно странный объект.

Бык изображал из себя коня-качалку. Он взбрыкивал задними ногами и при этом опускал голову, а потом вставал на дыбы. При этом он пристально наблюдал за нами. Когда мы проезжали ярдах в тридцати от него, девушка восхитилась:

– Взгляните только, какой потрясающий бык!

В это время машина ухнула в какую-то яму, так что я чуть не вылетел наружу.

– Смотрите, куда едете, – рявкнул я, не отрывая взгляда от быка.

Он вполне мог подцепить машину на рога и понести ее с той же легкостью и грацией, с какой индианки носят на голове кувшин. Мы подкатили к валуну. Девушка притормозила и произнесла нараспев:

– Такси вызывали?

Я выскочил из машины и открыл Вульффу дверцу. Я не посмел поддержать босса под локоть, так как по выражению его лица понял: это было бы равносильно попытке поджечь бочку с порохом. Он уже стоял на нижнем уступе валуна на одном уровне с подножкой автомобиля.

– Доктор Ливингстон, я полагаю? – спросила девушка.

Губы Вульфа чуть заметно дрогнули.

– А вы – мисс Стэнли? Очень рад познакомиться. Меня зовут Ниро Вульф.

Ее глаза расширились от изумления:

– Боже всемогущий! Тот самый Ниро Вульф?

– Не знаю... Я – тот, который указан в Манхэттенском телефонном справочнике.

– Выходит, я и впрямь выбрала для начала довольно необычную личность. Садитесь скорей!

С ворчанием взгромоздившись на сиденье, он изрек:

– Машину очень трясет. Я не люблю тряски.

Она рассмеялась:

– Постараюсь ехать поаккуратней. Все же, я думаю, это лучше, чем трястись на рогах у быка.

Я заметил, что у нее довольно сильные пальцы. И теперь, когда она сняла жакет, было видно, как играют мышцы ее обнаженных рук, когда она крутит баранку, объезжая ухабы и рытвины. Я посмотрел на быка. Ему уже надоело фордыбачить, и вся его поза выражала величайшее презрение. Он выглядел даже более могучим, чем раньше. Девушка тем временем говорила Вульффу:

– Стэнли – это, конечно, хорошо, но меня зовут Кэролайн Пратт. О, извините, не заметила эту яму. Конечно, я не так знаменита, как вы, но два года была чемпионкой столицы по гольфу. Здесь вообще собрались сплошные чемпионы. Вы – чемпион среди детективов, Гикори Цезарь Гринден – среди быков, я – чемпионка по гольфу...

Так вот почему у нее сильные руки, подумал я. Дейв тем временем открыл ворота и едва не прихлопнул нас, когда мы выезжали. Кэролайн промчалась под развесистым дубом, нижние ветви которого чуть не сбросили меня с сиденья, и остановилась перед большим новым зданием. Дейв вприпрыжку мчался за нами с дробовиком. Я выпрыгнул из машины

на дорожку, посыпанную гравием. Чемпионка по гольфу осведомилась у Вульфа, не нужно ли его куда-нибудь подвезти, но он уже открыл дверцу и вытаскивал свою тушу из машины, а посему не удостоил девушку ответом. Тут к нему подскочил Дейв и начал что-то громко спрашивать, но Вульф грозно взглянул на него:

– Известно ли вам, что вы подлежите судебному преследованию за попытку преднамеренного убийства? Я имею в виду не ружье, а то, что вы прыгнули с забора и раздражили быка, из-за чего он и напал на нас!

Вульф обогнул машину, подошел к своей спасительнице и раскланялся.

– Благодарю вас, мисс Пратт, за вашу находчивость.

– О, не стоит. Мне это доставило удовольствие.

Он поморщился.

– Это ваш бык?

– Нет, он принадлежит моему дяде, Томасу Пратту. Это его дом. Он скоро приедет. Могу ли я быть вам чем-нибудь полезной? Может быть, вы желаете пива?

– Благодарю. Я думал, что мне уж никогда не придется пить пиво. Мы ведь попали в аварию. Мистер Гудвин не смог справиться с машиной... Прошу прощения, мисс Пратт, я забыл представить вам мистера Гудвина.

Она вежливо подала мне руку.

– Так вот, мистер Гудвин не смог справиться с машиной, – повторил Вульф, – и мы врезались в дерево. Потом он божился, что во всем виновата лопнувшая шина. Он же уговорил меня в нарушение закона пересечь ваше пастбище. Хорошо еще, что я первым заметил быка. Мистер Гудвин проявил полное незнание повадок этих животных...

Еще на подъезде к валуну я по физиономии Вульфа понял, что он поведет себя как мальчишка, но не думал, что это произойдет на людях, и теперь бесцеремонно вмешался:

– Можно мне воспользоваться телефоном?

– О, вы перебили мистера Вульфа, – упрекнула меня Кэролайн. – Если он хочет объяснить...

– Я провожу вас к телефону, – послышался голос позади меня.

Я обернулся и увидел девушку в желтом. Она была на голову ниже меня. Красивые светлые волосы, насмешливые синие глаза. И она улыбалась уголками рта.

– Пойдемте, Эскамильо, – позвала она.

– Премного благодарен, – ответил я, устремляясь за ней.

– Кстати, меня зовут Лили Роуэн, – поведала она по дороге.

– Чудесное имя, – я широко осклабился. – А меня – Эскамильо Гудвин.

Глава вторая

– Который час? – донесся из открытой двери голос Ниро Вульфа.

Сверившись с часами, лежащими на стеклянной полочке, я вышел из ванной, придерживая рукав рубашки, чтобы не запачкать его еще не высохшим йодом.

– Три двадцать шесть. Надеюсь, пиво вас немного подбодрит. А то, как видно, радость жизни в вас угасает. Если уж вам даже не по силам достать часы из собственного кармана.

– Какая там радость жизни, – простонал он, – когда наша машина разбита вдребезги, а мои орхидеи в ней задыхаются...

– Они не задыхаются. Я не до конца поднял стекла.

Я посмотрел, высох ли йод, и опустил рукав.

– А действительно, почему бы вам не радоваться жизни? Капот всмятку, а мы целы. Бык до нас не добрался. Мы познакомились с чудесными людьми, которые приютили нас, дали прекрасную комнату с ванной, угостили холодным пивом, а меня персонально – йодом. Если же вы считаете, что у меня был шанс убедить парней из кроуфилдского гаража приехать за нами и машиной в самый разгар ярмарки, то попробуйте поговорить с ними сами. Они и вас сочтут за сумасшедшего. Вот-вот вернется мистер Пратт и отвезет нас в Кроуфилд вместе с багажом и цветами. Я звонил в отель, и мне обещали придержать наш номер до десяти часов вечера. Большого и ожидать нельзя. Там сейчас целые толпы народа из-за места в гостинице готовы вцепиться друг другу в глотки.

Застегнув рукав, я потянулся за пиджаком.

– Как пиво?

– Пиво хорошее. – Вульф нахмурился и пробормотал: – Толпы народа... – Он осмотрелся по сторонам. – Какая приятная комната... Просторная, светлая. Пожалуй, нужно сделать такие окна в моей комнате у нас дома. Когда, ты говорил, пришлют за нашей машиной?

– Завтра днем, – терпеливо повторил я.

– Завтра так завтра, – вздохнул он. – Раньше мне казалось, что я не люблю новые дома, но здесь очень приятно. Конечно, это заслуга архитектора. Знаешь, откуда взялись деньги на постройку дома? Мисс Пратт мне рассказала. Ее дядя – владелец нескольких сотен небольших ресторанчиков в Нью-Йорке. Он их называет праттериями. Видел их когда-нибудь?

– Естественно. – Я задрал штанину, разглядывая ушибленное колено. – Иногда в них обедаю.

– Да? И как еда?

Я пожал плечами.

В дверь постучали, и вошел какой-то тип с грязным лицом, в испачканных брюках и белоснежной накрахмаленной куртке. Он пробормотал, что приехал мистер Пратт и мы можем спуститься к нему, когда пожелаем. Вульф пообещал, что мы скоро явимся, и тип ушел.

– Видимо, мистер Пратт вдовец, – заметил я.

– Нет, – ответил Вульф, сделав попытку подняться. – Он никогда не был женат. Так сказала мисс Пратт. Ты не думаешь причесаться?

Нам пришлось пройти через весь дом, чтобы разыскать хозяев. Сперва мы попали в столовую, оттуда в гостиную, потом еще в одну комнату с роялем и, наконец, наткнулись на них на террасе, укрытой от солнца навесом. Обе девушки сидели в дальнем углу с каким-то молодым человеком, потягивая коктейли. Ближе к нам, за столом, двое мужчин оживленно разговаривали, тыча пальцами в какие-то бумаги. Один из них, молодой и прилизанный, походил на маклера. У другого, довольно пожилого, были темные, седеющие волосы, узкий

лоб и квадратная челюсть. Подойдя к ним, Вульф остановился. Пожилой мужчина нахмурился и произнес:

– А, это вы!

– Мистер Пратт? – Вульф слегка поклонился. – Я – Ниро Вульф.

Молодой человек встал. Пожилой по-прежнему хмурился.

– Знаю. Племянница мне говорила. Я, конечно, слышал о вас, но, будь вы хоть президент Соединенных Штатов, все равно не имели права находиться на моем пастбище после того, как вам велели его покинуть. Что вам там понадобилось?

– Ничего.

– Зачем же вы туда забрались?

Вульф поджал губы, а затем спросил:

– Ваша племянница рассказала вам, что с нами произошло?

– Да.

– Вы считаете, она вам солгала?

– Почему? Конечно нет.

– Значит, вы думаете, что солгал я?

– Нет, – растерялся Пратт.

Вульф пожал плечами:

– Тогда мне остается только поблагодарить вас за оказанное гостеприимство – за телефон, пристанище, напитки. Особенно мне понравилось пиво. Ваша племянница любезно предложила отвезти нас в Кроуфилд... Вы позволите?

– Не возражаю. – Пратт все еще хмурился. Затем скрестил руки на груди и объявил: – Нет, мистер Вульф, я ни в коем случае не считаю, что вы солгали. Тем не менее хотелось бы кое-что выяснить. Сами понимаете, вы детектив, и вас могли нанять... Они способны на все. Меня уже замучили до смерти. Сегодня я ездил с племянником в Кроуфилд на ярмарку, так меня буквально выкурили оттуда. Пришлось уехать, чтобы от них избавиться. Я спрашиваю вас: вы пошли через пастбище в поисках быка?

– Опомнитесь, сэр! – вознегодовал Вульф.

– Вы приехали сюда из-за быка?

– Нет! Я приехал выставить свои орхидеи на ярмарке.

– Значит, вы выбрали мое пастбище случайно?

– Мы его не выбирали. Все дело в геометрии, и только. Через пастбище пролегает кратчайший путь к дому. Так нам казалось, – горестно добавил Вульф.

Пратт кивнул. Он посмотрел на часы, встал и повернулся к молодому человеку, складывавшему бумаги в портфель:

– Ладно, Пейви, поезжай шестичасовым поездом. Передай Джеймсону, чтобы ни в коем случае не спускал цену ниже двадцати восьми долларов. С прошлого года аппетит у людей не ухудшился. Только запомни: никаких пирогов...

Он еще говорил что-то о ценах на блюда, о каких-то новых контрактах в Бруклине, а напоследок крикнул Пейви, уже вдогонку, почему следует закупать салат. Затем наш хозяин вдруг спросил Вульфа, не хочет ли тот выпить чего-нибудь покрепче. Вульф ответил, что предпочитает пиво, но мистер Гудвин, без сомнения, не откажется. Пратт что было мочи заорал: «Берт!» На его крик откуда-то вынырнул грязнолицый и принял заказы. Когда мы расселись, трио из угла террасы присоединилось к нам со своими бокалами.

– Ты позволишь? – обратилась мисс Пратт к дяде. – Джимми мечтает познакомиться с нашими гостями. Мистер Вульф, мистер Гудвин, а это мой брат Джим.

Я учтиво привстал и понял, что Вульф затеял какую-то отчаянную игру. Вместо того чтобы, по обыкновению, извиниться, что не отрывает свою многопудовую тушу от стула, он

поднялся во весь рост. Затем мы все сели, а блондинка Лили раскинулась в кресле-качалке с таким расчетом, чтобы мне лучше были видны ее ножки.

– Я, конечно, слышал о вас, – сказал Пратт Вульфу. – Мой друг, Пит Хатчинсон, рассказывал, как несколько лет назад вы отказались помочь ему в деле о разводе.

– Я стараюсь не браться за семейные дела, – кивнул Вульф.

– Поступай, как тебе нравится, – вот мой девиз, – изрек Пратт, отхлебнув глоток из бокала. – Это ваш бизнес, и вы вправе действовать по собственному разумению. Насколько мне известно, вы любите вкусно поесть. Мой бизнес как раз питание, а точнее, массовое питание. На прошлой неделе мы ежедневно продавали в Нью-Йорке в среднем сорок три тысячи обедов. Я вот к чему клоню: сколько раз вы обедали в моих праттериях?

– Я?... – Вульф задержал дыхание, наливая себе пива. – Ни разу.

– Ни разу?

– Я всегда обедаю дома.

– Вот как... – Пратт не мог отвести взгляд от Вульфа. – Конечно, иногда можно и дома неплохо поесть. Но лучше все же... Мое имя прогремело, когда я пригласил в праттерию и накормил пятьдесят представителей высшего света. Видели бы вы, как они восхищались. Своего успеха я достиг благодаря качеству, а кроме того, рекламе. – Он поднял два пальца.

– Всепобеждающее сочетание, – пробормотал Вульф.

Мне захотелось лягнуть его под столом. Что это он вздумал лизать пятки всякой деревенщине? Но он не остановился даже на этом.

– Ваша племянница немного рассказала мне о вашей феноменальной карьере.

– В самом деле? – Пратт взглянул на нее: – У тебя пустой бокал, Кэролайн. – Он повернул голову и громко позвал Берта. Затем вновь обратился к Вульфу: – Что ж, она неплохо разбирается в моих делах. Два года работала у меня. Она увлеклась гольфом, у нее неплохо получалось, и я решил, что племянница-чемпионка послужит мне неплохой рекламой. Так оно и вышло. На поле для гольфа она принесла мне куда больше пользы, чем у меня в конторе. Ее братцу до нее далеко. Единственный мой племянник, а ни на что не годится. Верно, Джимми?

Юноша улыбнулся:

– Совершенно верно.

– Сам-то ты, конечно, думаешь иначе. Я продолжаю тратить на тебя только потому, что твои родители умерли, когда ты был еще ребенком. Это, пожалуй, моя единственная слабость. А стоит мне подумать, что после моей смерти все перейдет тебе и твоей сестре – больше ведь некому, – и я начинаю мечтать о бессмертии. Ведь если представить, как вы распорядитесь моими деньгами... Позвольте спросить, мистер Вульф, вам нравится мой дом?

– Очень нравится.

Джимми фыркнул.

Не обращая на него внимания, Пратт косо поглядел на Вульфа:

– В самом деле? Его выстроил мой племянник. Дом закончен только в прошлом году. Я-то сам здешний, родился на этом самом месте, в старой хибарке. И как только это удалось Джимми...

Он продолжал разглагольствовать, а Вульф пока что откупорил еще одну бутылку пива. Да и я не терял времени даром, так как, слава богу, пил не виски из праттерии. Устроившись так, чтобы было удобнее поглядывать на блондинку, я расправлялся со вторым коктейлем и вовсе перестал обращать внимание на Пратта, занятый размышлениями о том, что ценнее в девушках: привлекательная внешность или умение спасти человека от бычьих рогов.

Но течение моих мыслей было самым бесцеремонным образом прервано. Из-за дома появились четыре человека и протопали на террасу. Вспомнив слова нашего хозяина о том,

что его преследовали на ярмарке, и заметив недоброе выражение на лицах пришельцев, я машинально сунул руку за пистолетом, но вовремя спохватился и сделал вид, что просто хотел почесаться.

Пратт вскочил и, наморщив узкий лоб, яростно уставился на вновь прибывших. Один из них, приземистый и жилистый, с острым носом и пронзительными глазками, выступил вперед.

– Ну, мистер Пратт, надеюсь, наше последнее предложение удовлетворит вас?

– Я уже говорил, что нынешнее положение меня вполне устраивает.

– А нас – нет. Позвольте объяснить, что мы...

– Вы зря теряете время, мистер Беннет. Я повторяю...

– Позвольте сказать мне! – перебил внушительный мужчина в отличном сером спортивном костюме и автомобильных перчатках – это в теплую-то погоду. – Вы Пратт? Лу Беннет втянул меня в это дело. Я тороплюсь в Кроуфилд, а оттуда в Нью-Йорк. Меня зовут Каллен.

– Дэниел Каллен, – услужливо добавил Беннет.

– О! – благоговейно произнес Пратт. – Это честь для меня, мистер Каллен. В моем скромном доме... Садитесь, пожалуйста. Выпьете что-нибудь? Джимми, принеси гостям стулья. Познакомьтесь с моей племянницей, мистер Каллен...

Он начал представлять всех друг другу. Оказалось, что Лу Беннет был секретарем Национальной лиги по разведению скота гернсейской породы. Долговязого мужчину с жидкими волосами и усталым лицом звали Монт Макмиллан. Дэниел Каллен нуждался в рекомендациях не больше, чем, скажем, Джон Пирпонт Морган¹. Четвертый гость, выглядевший еще более усталым, чем Макмиллан, оказался председателем совета Североатлантической ярмарки, по имени Сидни Дарт.

Берта отправили за выпивкой. Лили Роуэн подвинулась, и освободившееся возле нее место моментально оккупировал Джимми Пратт. Было очевидно, что гости не вызывают у девушки симпатии.

Лу Беннет вновь заговорил:

– Мистер Каллен торопится. Мистер Пратт, я уверен, вы оцените то, что он, как и мы все, пытается сделать для вас. Вы не потеряете ни единого цента. Все будет в полном...

– Да это же просто произвол! – взорвался Каллен, воззвись на Пратта. – Это можно пресечь в судебном порядке! Какого черта...

– Извините меня, – поспешно вставил Беннет, – но мы уже обсуждали этот вопрос с мистером Праттом. Он не разделяет нашей точки зрения. Слава богу, что вы пришли к нам на помощь. – Он повернулся к Пратту: – Дело в том, что мистер Каллен великодушно согласился купить у вас Гикори Цезаря Гриндена.

Пратт кашлянул, помолчал немного и спросил:

– А что он будет с ним делать?

Беннет казался шокированным:

– Он же владеет едва ли не лучшим в стране стадом гернсейской породы.

Каллен сердито взглянул на Пратта:

– Поймите, Пратт, мне ваш бык не нужен. У моего лучшего производителя, Махуа Таланта Мастерсона, сорок три чистопородные телки. Еще три моих производителя сейчас проходят испытания. Я покупаю Цезаря исключительно в интересах нашего животноводства и Гернсейской лиги!

¹ Джон Пирпонт Морган (старший, 1837–1913) – крупнейший американский финансист, промышленник и меценат. – Ред.

– Мистеру Каллену действительно не нужен ваш бык, – подхватил Беннет. – Он поступает очень благородно, но не согласен выложить за быка ту же сумму, которую вы уплатили Макмиллану. Я, конечно, понимаю, что бык теперь ваш, но согласитесь: сорок пять тысяч долларов – сумма несуразная. Даже Голдуотер Гранде был продан за тридцать три тысячи, а Цезарю далеко до Гранде. Гранде – отец ста двадцати семи племенных телок и пятнадцати бычков. Так что наши условия таковы: мистер Каллен платит вам тридцать три тысячи долларов, а Макмиллан возвращает двенадцать тысяч из суммы, которую вы ему заплатили. Таким образом, вы получаете все ваши деньги назад. Мистер Каллен тут же выпишет вам чек и сегодня же вечером придет за Цезарем людей и фургон. Если бык не потерял формы, то мистер Каллен выставит его в четверг на ярмарке. Надеюсь, животное здорово. Насколько мне известно, вы держите его на выгоне?

Пратт повернулся к Макмиллану:

– Вы меня уверяли, что полностью удовлетворены сделкой и не станете способствовать попыткам ее расторгнуть!

– Да, это так, – робко отозвался Макмиллан. – Но они меня убедили. К тому же ведь я старый гернсеец, мистер Пратт...

– Как вы смеете? – возмутился Каллен. – Вас следует исключить из Гернсейской лиги! Вам нет прощения! Вы прекрасно знали, что́ станет с быком, если вы его продадите!

– Вам легко говорить, мистер Каллен, – устало кивнул Макмиллан. – Ваше состояние измеряется миллионами. У меня же из-за кризиса осталось только мое стадо. А тут еще сибирская язва... И что в итоге? Четыре теленка, шесть коров, один бычок и Цезарь. Как мог я содержать Цезаря? Мне даже не на что купить овса. Я не знал никого, кто бы дал за него приличную цену, и разослал телеграммы крупнейшим скотоводам. И что я получил в ответ? Все знали, в каком бедственном положении я нахожусь, но никто не предложил мне больше девяти тысяч. Девять тысяч за Гикори Цезаря Гриндена! А тут ко мне пришел мистер Пратт. Он откровенно сказал, для чего ему нужен Цезарь. Это было невероятно. Чтобы избавиться от него, я заломил неслыханную цену – сорок пять тысяч!

Макмиллан приподнял бокал, посмотрел на него и поставил на место.

– Мистер Пратт тут же выписал чек... А ведь вы, мистер Каллен, не предложили мне и девяти тысяч. Насколько я помню, ваша цена была семь с половиной...

Каллен пожал плечами:

– Мне он был ни к чему. Теперь же вы все равно получите тридцать три тысячи. Точнее, оставите их себе из денег, уплаченных Праттом. Можете еще считать, что вам повезло. С моей стороны это чистая благотворительность. Я беседовал по телефону со своим управляющим и не уверен, нужна ли мне в стаде линия Цезаря. У нас всегда были быки лучше Цезаря и всегда будут...

– Вот уж нет! – Голос Макмиллана задрожал от ярости. – Вы просто дилетант! Кто вы такой, чтобы высказываться о быках? Да что там о быках – о самой заваливающей корове? Оставьте в покое Гикори Цезаря Гриндена! Цезарь был лучшим из племенных быков! Элита! Да, я сказал «был», так как он мне больше не принадлежит. Но он еще и не ваш, мистер Каллен. Он внук самого Берли Великого. Его потомство насчитывало пятьдесят одну чистопородную телку и девять бычков. Я глаз не сомкнул в ту ночь, когда Цезарь появился на свет. Вот эти пальцы он сосал, когда ему было несколько часов от роду. – Он вытянул перед собой дрожащие руки. – Он получил девять главных призов на выставках, в последний раз – в прошлом году в Индианаполисе. Двенадцать его дочерей дают больше тринадцати тысяч фунтов молока и больше семисот фунтов масла каждая. А вы смеете утверждать, что он не нужен для вашего стада! Надеюсь, Цезарь вам не достанется, черт побери! Во всяком случае, я пальцем не шевельну, чтобы вам помочь! – Он повернулся к Беннету: – Мне самому пригодятся эти двенадцать тысяч, Лу. Я не желаю участвовать в вашей игре.

Что тогда началось! Беннет, Дарт и Каллен обрушились на Макмиллана. Понять, в чем тут дело, я затруднялся. Ясно было одно: он обманул их. И пошло-поехало: на карту поставлен престиж Гернсейской лиги и всего американского животноводства, случившееся подорвет авторитет ярмарки, у Макмиллана останутся тридцать три тысячи долларов и все такое прочее. Макмиллан упрямо отмалчивался, хотя чувствовалось, как это для него мучительно.

Внезапно всех заставил замолчать громкий окрик Пратта:

– Оставьте его в покое! Он здесь ни при чем. Я не возьму никаких отступных. Мне нужен только бык, он мой, у меня в сейфе хранится купчая. Вот и все.

Они усталились на него.

– Но это невозможно, – залопотал Беннет. – Послушайте, я же объяснил...

– Я не отступлюсь от своих слов. – Пратт упрямо выдвинул челюсть. – Я заплатил хорошую цену за этого быка и удовлетворен сделкой. Уже идут приготовления к приему гостей...

– Но после того, что...

Беннет вскочил, яростно размахивая руками, и я решил, что мне все-таки придется достать пистолет.

– Вы не смеете так поступить! – вопил он. – И вы этого не сделаете! Вы сумасшедший, если считаете, что это вам удастся. Я сделаю все, чтобы вам помешать! В Кроуфилде меня ждут двенадцать членов совета лиги, и вы увидите, что́ будет, когда я расскажу им о вашем решении!

Остальные тоже поднялись на ноги.

– Вы просто отвратительный маньяк, Пратт, – громко изрек Дэниел Каллен и повернулся к выходу. – Беннет, Дарт, пошли. Мне нужно успеть на поезд.

Он вышел. Беннет и Дарт послушно последовали за ним.

После некоторого молчания морщины на лбу Пратта разгладились, и он взглянул на Макмиллана.

– Знаете, Макмиллан, – сказал он, – мне не нравится этот Беннет. И то, что он говорил, тоже не нравится. Он способен даже пробраться на пастбище. А я не слишком полагаюсь на человека, охраняющего быка. Я признаю, конечно, что не могу чего-то еще требовать от вас за мои сорок пять тысяч долларов, но если вы не возражаете...

– Конечно. – Макмиллан встал, неуклюжий и долговязый. – Пойду взгляну. Я и так собирался это сделать.

– Вы сможете побыть там?

– Конечно.

Скотовод ушел.

Мы остались сидеть. Племянник с племянницей казались встревоженными, Лили Роуэн зевала, а Пратт хмурился. Ниро Вульф подавил вздох и допил пиво.

– Одно беспокойство, – пробормотал Пратт.

Вульф кивнул:

– Подумать только, из-за какого-то быка. Ведь не хотите же вы зажарить его и съесть!

А Пратт возразил:

– Именно так я и собираюсь поступить. В этом-то все и дело.

Глава третья

Так вот где собака зарыта! Молодежь и глазом не моргнула, но я вытаращился на нашего хозяина в немом изумлении. И по тому, как дернулась вверх голова Ниро Вульфа, мне стало понятно, что и он по-настоящему удивлен. Он выдал свое удивление еще и тем, что повторил вопрос, а такое случалось с ним крайне редко:

– Вы хотите съесть этого быка, мистер Пратт?

Пратт кивнул:

– Да. Может быть, вы заметили яму, которую роют в роще? Там быка изжарят на вертеле. Пир состоится через три дня, в четверг. Племянница с племянником и мисс Роуэн приехали сюда специально для этого. Я пригласил около сотни гостей, в основном из Нью-Йорка. Быка забьют завтра. Пришлось вызвать мясника из Олбани. Местные ни за что бы на это не пошли.

– Потрясающе! – Вульф по-прежнему держал голову высоко поднятой. – Значит, каждая порция обойдется вам примерно в четыреста пятьдесят долларов?

– Если так рассуждать, это и впрямь выглядит ужасно.

Пратт потянулся за бокалом, увидел, что он пуст, и кликнул Берта.

– Но подумайте, что можно получить за сорок пять тысяч, если потратить их на газетную рекламу? Для радио такие деньги вообще ничто. А из этого быка на вертеле я извлеку максимум выгоды. Вы разбираетесь в психологии?

– Я? – Вульф кашлянул и твердо ответил: – Нет.

– А следовало бы. Вот послушайте. Представляете, какой разразится бум, когда станет известно, что знаменитого быка, чемпиона породы, забили, чтобы устроить барбекю для сборища эпикурейцев? И кто это сделал? Том Пратт, владелец знаменитых праттерий! Еще многие месяцы посетители моих заведений, поедая ростбиф, будут подсознательно чувствовать, что пережевывают кусочек Гикори Цезаря Гриндена! Вот что я имел в виду, говоря о психологии.

– Вы упомянули эпикурейцев...

– Я пригласил по большей части влиятельных друзей. Ну и, конечно, прессу. Но будет и несколько эпикурейцев. – Пратт неожиданно вскочил на ноги. – Кстати, вы ведь тоже ценитель изысканной пищи. Как долго вы пробудете в Кроуфилде? Может быть, составите нам компанию? В четверг, в час дня.

– Благодарю вас. Я не уверен, что чемпионские достоинства Цезаря распространяются и на вкус, но это звучит весьма заманчиво.

– Еще бы! Сегодня вечером я собираюсь звонить в свое нью-йоркское агентство. Могу я сказать, что вы будете у нас? Для прессы.

– Конечно. Присуждение премий орхидеям состоится в среду днем. Возможно, после этого я уеду. Но сказать вы можете. Простите, а вы не испытываете угрызений совести оттого, что умерщвляете быка таких благородных кровей?

– С какой стати? Они упирают на то, что Цезарь дал большое чистокровное потомство. В нашей стране около сорока тысяч племенных коров гернсейской породы. И только пятьдесят одна из них ведет свое происхождение от Цезаря. А если послушать эту банду из Кроуфилда, то можно подумать, что я намереваюсь вырезать все гернсейское стадо. Я уже получил около сорока телеграмм, в которых мне угрожают расправой. Это все Беннет! Он направляет на меня скотоводов.

– Видимо, это весьма важно для них.

– Конечно. Но и я могу сказать то же самое про себя. Хотите еще выпить, мистер Гудвин? А вы, мисс Роуэн? Эй, Берт! Берт!

Грязнолицый, надо отдать ему справедливость, исполнял свои обязанности довольно проворно. Три коктейля превышали мою обычную норму, но после столкновения с деревом и корриды на пастбище я решил, что лишний бокал мне не повредит. Разговоры о чемпионке-быке мне наскучили, я придвинулся к чемпионке-племяннице и принялся завоевывать ее расположение. Уголкем глаза я заметил, что блондинка искоса поглядывает на меня, и, улучив момент, улыбнулся ей.

Я мог бы действовать и поактивнее, но впереди меня ожидали отнюдь не розовые перспективы. Мне предстояло до наступления сумерек доставить Вульфа, багаж и орхидеи в Кроуфилд, в номер гостиницы, распаковать вещи, обеспечить Вульфа едой, которую он мог бы проглотить, не подавившись, выслушать назидания по поводу моего неумения водить машину и рекомендацию не наезжать на встречные деревья, согласиться со всем этим и, возможно, еще час-другой сидеть и прислушиваться к его вздохам.

Я уже раскрыл рот, чтобы напомнить племяннице, что пора везти нас в Кроуфилд, как вдруг услышал, что Пратт пригласил моего босса остаться на ужин и Вульф дал согласие. Я злобно посмотрел на него, надеясь, что еда окажется отвратительной, так как знал: если мы прибудем в Кроуфилд после наступления темноты, устроиться в гостинице будет затруднительно, и тогда никаких человеческих сил не хватит, чтобы сладить с Вульфом.

Он уловил мой взгляд и закрыл глаза. Я же притворился, что не замечаю его, и сосредоточил все внимание на племяннице. Она была довольно милая и сообразительная особа, но слишком сильная, на мой взгляд. По-моему, девушка должна быть девушкой, а спортсменка – спортсменкой, хотя, конечно, возможны и промежуточные варианты. В ответ на приглашение Кэролайн я сказал, что с удовольствием сыграл бы с ней в теннис сет-другой, если бы не повредил руку и колено во время упражнений на заборе, что, впрочем, было неправдой.

В этот момент у входа на террасу появилась еще одна группа людей во главе с исключительно симпатичной особой лет двадцати двух, в полосатом костюмчике с пояском, с непокрытой головой, желтовато-коричневыми глазами и мягким чувственным ртом. За ней шел высокий стройный молодой человек не намного моложе меня, в коричневых брюках и пуловере. Замыкал шествие некий тип, которому следовало бы находиться в другом месте, а именно на территории, ограниченной Сорок второй улицей с юга, Девяносто шестой – с севера, Лексингтон-авеню и Бродвеем – с востока и запада. Там такие типы смотрятся, но в этой провинции их роскошные костюмы, модные рубашки и кричащие галстуки просто режут глаз.

Появление троицы вызвало довольно неожиданный эффект. У нашего хозяина удивленно отвисла челюсть. Джимми покраснел и встал. Кэролайн что-то пробормотала. Лили Роуэн нахмурила брови. Подойдя к столу, уставленному пустыми бокалами, неизвестная мне девушка обвела присутствующих взглядом и сказала:

– Нам, наверное, следовало предварительно позвонить?

Ее успокоили. Раздались приветствия. Субъект в модном костюме был здесь впервые – его пришлось представлять. Он носил фамилию Бронсон. Девушку звали Нэнси Осгуд, а стройный парень оказался ее братом Клайдом. В очередной раз кликнули Берта. Мисс Осгуд принялась уверять, что они не хотели нам мешать, заскочили по пути с ярмарки, буквально на одну минутку... Клайд Осгуд, на шее которого болтался бинокль, ироническим тоном обратился к Пратту:

– Монт Макмиллан прогнал нас с пастбища. Мы хотели взглянуть на вашего быка.

Пратт с безучастным видом кивнул, но я заметил, что жилы на его висках вздулись.

– Чертов Цезарь доставляет массу хлопот. – Он посмотрел на Нэнси Осгуд, потом перевел взгляд на ее брата. – Молодцы, что решили навестить нас. Приятный сюрприз. Я видел сегодня вашего отца в Кроуфилде.

– Да, он говорил мне.

Клайд замолчал, затем сделал несколько шагов и остановился прямо перед сидящей в кресле-качалке Лили Роуэн.

– Как поживаешь? – спросил он.

– Прекрасно. – Она запрокинула голову назад, чтобы лучше его видеть. – А у тебя все в порядке?

– Да, вполне.

– Очень рада. – Лили зевнула.

Этот диалог, видимо, как-то повлиял на Джимми Пратта. Он еще больше зарделся, хотя смотрел все время на Нэнси Осгуд, которая беседовала с Кэролайн. Кэролайн настаивала, что гости обязательно должны остаться и выпить что-нибудь. Мистер Бронсон присел, напустив на себя усталый вид. Клайд внезапно повернулся спиной к Лили и подошел к Пратту.

– Можно вас на минутку?

– Да, мой мальчик?

– Мы зашли с сестрой, чтобы повидать вас.

– Что ж, очень приятно. Теперь, когда я выстроил этот дом, мы ведь снова соседи, не так ли?

Клайд нахмурился.

– Соседи? – переспросил он. – Да, пожалуй. Формально, во всяком случае. Я хотел поговорить с вами насчет быка. Я знаю, зачем вам понадобилось все это... Вы просто хотите унижить моего отца. Отстань от меня, Нэнси. Я знаю, что́ делаю.

Сестра вцепилась ему в плечо:

– Клайд, нельзя же так...

– Оставь меня в покое! – Он стряхнул ее руку. – Вы хотите сделать из отца посмешище, зарезав быка, которому любой отцовский и в подметки не годится. В одном могу вас поздравить: вы выбрали для этой цели лучший экземпляр. Гикори Цезарь Гринден... Представляю, какая будет сенсация. Я это говорю, потому что немного разбираюсь в скоте. Во всяком случае, когда-то разбирался. Когда Цезарь еще никому не был известен, я хотел, чтобы отец его купил. И вы думаете, что вам удастся прикончить его?

– Конечно. Только с чего ты взял, будто я хочу обидеть твоего отца? Чушь какая-то... Я это делаю исключительно для рекламы.

– Черта с два! Я вас раскусил. Вы ведете нечестную игру против моего отца. Отстань, сестра!

– Ты ошибаешься, мой мальчик, – терпеливо произнес Пратт. – Я на это не способен. Послушай, что́ я тебе скажу. Насколько мне известно, лучший бык твоего отца уже довольно стар. Так вот, если бы твой отец пришел ко мне, когда я купил Цезаря, я бы просто подарил ему быка. Ей-богу, подарил бы.

– Так я вам и поверил! – Клайд кипел от негодования. – Сегодня весь Кроуфилд только об этом и говорит. Конечно, мой отец, как член Гернсейской лиги, тоже в курсе дела. Он предвидел, что у Беннета и Каллена ничего не выйдет. Зная вас с детства, он был уверен, что вы от своего не отступитесь. Моей сестре взбрело в голову приехать сюда и попытаться вас уговорить, и я согласился. По дороге мы встретили Беннета, Каллена и Дарта. Они рассказали нам, что́ здесь произошло. Тем не менее мы приехали, хотя я не могу понять зачем. А теперь я хочу заключить с вами пари. Вы когда-нибудь заключаете пари?

– Ну, вообще-то я этим не увлекаюсь, – пожал плечами Пратт, – но иногда не против дружеского пари.

– Что вы скажете насчет дружеского пари со мной? Скажем, на десять тысяч долларов?

– По какому поводу?

– Бьюсь об заклад на десять тысяч долларов, что вам не удастся зарезать Гикори Цезаря Гриндена.

– Клайд! – воскликнула Нэнси.

Вульф прикрыл глаза. Послышались оживленные возгласы, даже Лили Роуэн казалась заинтересованной.

– А что может мне помешать? – спокойно спросил Пратт.

Клайд поднял обе руки ладонями вверх.

– Принимаете пари или нет?

– Десять тысяч долларов, что я не зарежу Гикори Цезаря Гриндена?

– Да.

– За какой срок?

– Скажем, в течение недели.

– Хочу предупредить, что я советовался с юристом. Нет такого закона, который мог бы воспрепятствовать мне это сделать, каким бы чемпионом породы Цезарь ни был.

Клайд молча пожал плечами. Его лицо приняло выражение, которое я частенько наблюдал у игроков в покер.

– Что ж... – Пратт скрестил руки на груди. – Это становится интересным. Ну, тогда по рукам. Подпишем чеки?

Клайд вспыхнул.

– Банк не оплатит мой чек. Вы это прекрасно знаете. Но если я проиграю, то заплачу...

– Ты предлагаешь джентльменское пари? Мне?

– Можете это так называть. Джентльменское пари.

– Мой мальчик, я польщен твоим доверием, но не могу согласиться на такие условия, когда речь идет о десяти тысячах долларов. Боюсь, что не стану заключать пари, пока не узнаю, насколько ты платежеспособен.

Клайд рванулся из своего кресла. Мои ноги мгновенно подобрались для прыжка, но Нэнси Осгуд удержала брата. Она попыталась увести его, лопоча что-то насчет того, что им нужно спешить, но он вырвался, оттолкнул ее и свирепо уставился на Пратта, стиснув зубы.

– Как вы смеете сомневаться в слове Осгуда? Ладно, в таком случае я выиграю у вас эту сумму, раз деньги для вас самое главное! Будет ли достаточно, если мой отец позвонит вам и подтвердит мою платежеспособность?

– Так ты действительно хочешь держать пари?

– Да.

– На десять тысяч долларов? В присутствии этих свидетелей?

– Да.

– Ладно, согласен. Если отец даст гарантию, тогда по рукам.

Клайд повернулся и вышел, ни с кем не попрощавшись. Бронсон отставил свой бокал и последовал за приятелем. Нэнси, хоть она и была очень встревожена, задержалась, чтобы немного сгладить впечатление от невоспитанности своих спутников.

– Тут пахнет чем-то скверным, – задумчиво произнесла Лили Роуэн. Она указала мне на место рядом с собой, где сидел раньше Джимми Пратт. – Сядьте сюда, Эскамильо, и поведайте мне, что произойдет дальше.

Я встал, со свойственной мне грацией подошел к ней, сел, завладел ее левой рукой и внимательно уставился на ладонь.

– Значит, так, – начал я. – Вы будете счастливы, но однажды, путешествуя под водой, натолкнетесь на лысого мужчину, сидящего среди водорослей. Вы подумаете, что это водяной царь, но он заговорит с вами по-русски. Вам покажется, что вы поняли, о чем он говорит, но через некоторое время вы, к своему великому ужасу, поймете, что ошиблись. Дайте-ка мне другую руку для сравнения.

Тем временем Джимми Пратт страстно убеждал в чем-то своего дядю:

– Вы позволили ему разговаривать с вами в таком тоне?! Мне хотелось ударить его! И я бы его ударил...

– Ладно, Джимми, – примирительно проговорил Пратт. – Ты бы не посмел поднять руку на Осгуда. Успокойся, мой мальчик. Кстати, если ты так агрессивен настроен, не согласишься ли помочь нам постеречь быка? Боюсь, нам придется не спускать с него глаз этой ночью.

– Вообще-то, дядя... – замялся Джимми. – Дело в том... Я уже говорил, что не одобряю этого. Такой бык... Как-никак чемпион...

– Значит, ты не хочешь там подежурить?

– Я бы не хотел в этом участвовать, дядя Том.

– Ну, ладно. Надеюсь, что мы и сами справимся. Как вы считаете, мистер Вульф, имею я право съесть собственного быка?

Вульф пустился в пространные философские рассуждения о писаных и неписанных законах, духовной ответственности и бычьей генеалогии. Он говорил возвышенно и страстно, и вскоре всем присутствующим уже казалось странным, что они могли волноваться из-за таких пустяков, как ссора Пратта с Осгудом, или барбекю из Цезаря, или пари на десять тысяч долларов.

Закончив свой монолог, Вульф обратился ко мне с предложением: поскольку мы приняли любезное приглашение мистера Пратта отужинать с ним, нам не мешало бы переодеться, для чего следовало достать из машины багаж. Джимми предложил было свои услуги, но Кэролайн сказала, что это должна сделать она, так как ей предстояло отвезти нас в Кроуфилд.

Я последовал за ней к машине. Увидев поодаль, под деревьями, кучу земли, на которой лежали кирки и лопаты, я остановился. Я заметил ее еще тогда, когда нас везли к дому, но не знал, для чего она предназначена.

– Там яма, где будут жарить быка? – осведомился я.

Кэролайн кивнула.

– Ужасно, конечно, но я не могу придумать подходящей отговорки, чтобы отказаться от дядиногo приглашения участвовать в этом пиршестве. Залезайте в машину.

Когда мы выехали на дорогу, я спросил:

– Не мое это дело, но зачем все это понадобилось? Действительно для рекламы или чтобы утереть нос Осгуду-старшему?

– Не знаю... Мне надо подумать.

Я замолчал. Минуту спустя мы достигли места аварии. Кэролайн развернула свою машину перед останками нашей. Я выбрался наружу. Деревья и телеграфные столбы, озаренные последними лучами заходящего солнца, отбрасывали длинные тени на зеленый ковер пастбища. На другом конце выгона я увидел Монтэ Макмиллана, который внимательно смотрел в нашу сторону. Возле валуна величественной поступью прогуливался бык, выглядевший еще крупнее, чем прежде. Теперь, когда мне не грозила опасность, Цезарь казался красавцем.

Перетащив два чемодана, два саквояжа, опрыскиватель и корзины с цветами, я снова запер машину, в последний раз взглянул на быка, которого скоро должны были зажарить и подать на стол порциями по четыреста пятьдесят долларов каждая, и занял свое место рядом с мисс Пратт. Я по-прежнему молчал, ожидая, пока она заговорит, и наконец дождался.

– Я хочу сказать вам, о чем думала.

Я вежливо кивнул.

– Я думала о Лили Роуэн.

– Она зовет меня Эскамильо. Рассказала, что вы собираетесь завтра на ярмарку, и предложила пообедать с ней.

– И что вы ответили?

– Сказал, что не могу, так как не умею вести себя за столом. А на самом деле я просто не люблю кормить других за свой счет.

Кэролайн фыркнула:

– Она не собиралась кормиться за ваш счет. Она бы сама заплатила. Лили очень богата. Но она вампир. Она очень опасна.

– Вы имеете в виду, что она впивается людям в горло и пьет их кровь?

– Я имею в виду то, что сказала. Раньше разговоры об опасных женщинах я считала романтическими бреднями. Но Лили Роуэн действительно опасная женщина. Затрудняюсь даже сказать, скольких мужчин она погубила бы, если бы не ее лень. Я знаю троих, которых она свела с ума. Вы видели Клайда Осгуда. Он, конечно, не Адонис, но по-своему довольно красив. Ему двадцать шесть лет, как и мне. Многие поколения Осгудов владели этой землей, да и сейчас у них несколько тысяч акров. После окончания колледжа Клайд обосновался здесь и вел дела своего отца, который занимался политикой. Говорят, Клайд неплохо справлялся. Но два года назад он познакомился в Нью-Йорке с Лили Роуэн, и она вскружила ему голову. Она не впилась ему в горло, а просто проглотила его со всеми потрохами. А прошлой весной выплюнула. Это звучит не слишком красиво, но разве можно красиво описать поведение жабы? Клайд с тех пор не возвращался сюда. Он слонялся по Нью-Йорку, пытаясь увидеть ее или заставить себя не искать с ней встреч. Не знаю, зачем он оказался здесь. Возможно, узнал, что она приехала.

– Вы думали об этом? – спросил я.

– Нет, это только ключ к пониманию остального. – Она оценивающе посмотрела на меня. – Вы ведь детектив?

– Да, это моя работа.

– И вы... можете хранить тайну?

– Конечно, если это тайна.

– Так вот, Лили Роуэн пытается завлечь моего брата.

– Ну и что? – Я удивленно приподнял брови.

– Я не хочу, чтобы она его окрутила. Он пока еще не поддается, но... Я надеялась, что у него хватит здравого смысла, однако, видимо, ошиблась. К тому же я думала, что он влюблен в Нэнси Осгуд. А месяц назад Лили Роуэн начала завлекать его в свои сети. И Джимми... Даже Джимми наверняка не устоит перед ней. Черт бы ее побрал! И как это у нее получается?

– Не знаю. Но могу спросить.

– Я не шучу. Она же погубит его!

– Я и не воспринял это как шутку. Просто вы задали глупый вопрос. К тому же ее пребывание здесь... Зачем вы ее пригласили?

– Я думала, что если он увидит ее здесь, в провинции, то одумается. Но ошиблась...

Я поежился.

– Хотя я и хороший детектив, но расследовать здесь нечего. Это как раз один из тех случаев, которые мой босс относит к категории семейных. Помочь тут можно, либо отправив вашего братца в Австралию за шнурками для ботинок, либо перерезав Лили горло.

– Это я могла бы и сама – перерезать ей горло. Но, быть может, есть другой выход? Про это я и думала. Она кое-что про вас сказала, пока вы были наверху. Это и натолкнуло меня на одну мысль...

– Что же она сказала?

– Не могу повторить.

– Что-нибудь личное?

– Весьма.

– А что именно?

– Говорю же, что не могу повторить. Но это и еще то, что она попросила вас пообедать с ней... Я думаю, вы смогли бы отвлечь ее от Джимми. Если, конечно, позволите ей играть активную роль, как она привыкла. Что-то в вас ее привлекло. Я поняла это с того момента, как она назвала вас Эскамильо.

– Продолжайте.

– Это все. Разве только... Я не прошу вас об одолжении. Пусть это будет деловое соглашение. Пришлите мне счет, и я его оплачу. Только если он окажется слишком велик, мне придется выплачивать деньги по частям.

– Понятно. Я притворюсь невинным сосунком, позволю ей погубить меня и затем пришлю вам счет.

– Уверю вас, это не шутка. Все, что угодно, но только не шутка. Могу я рассчитывать на вашу помощь?

Выпятив губу, я испытующе посмотрел на нее:

– Послушайте, я все-таки считаю, что это шутка. Допустим, она действительно погубит его. Мне кажется, если он попадет в ад, то непременно оттуда выберется. Ни один мужчина еще не оказывался в аду из-за женщины, если сам того не желал. Вы хотите меня нанять, чтобы избавить вашего братца от Лили. Но я не могу взяться за дело самостоятельно, ведь я работаю на Ниро Вульфа. Учитывая ваше беспокойство, я готов пойти вам навстречу. Я пообедаю с ней завтра при условии, что вы оплатите счет. Вам это обойдется доллара в два, а я обязуюсь рассказать все в мельчайших подробностях.

– И все-таки это не шутка, – отрывисто бросила она. – Два доллара вы получите, когда мы вернемся домой. – И она повернула ключ зажигания.

Конечно, не мешало бы отдохнуть часок перед ужином, но я, по-видимому, не заслужил такого счастья. Выгрузив корзины с орхидеями, я перенес их в ванную, затем втащил наверх чемоданы и, наконец, сходил за саквояжами.

Войдя в отведенные нам комнаты и услышав доносящийся из ванной шум, я поставил саквояжи на пол и отправился выяснять, в чем дело. Оказалось, Вульф, подняв крышки корзин, смотрит, не требуют ли цветы немедленной поливки. Я сказал, что, на мой взгляд, они чувствуют себя превосходно, с чем Вульф согласился. Затем я высказал еще одно соображение: поскольку наши рубашки и галстуки, наряду с прочими принадлежностями, находятся в чемоданах, саквояжи распаковывать ни к чему, хотя я их и принес.

Не удостоив меня взглядом, он проронил:

– По-моему, лучше распаковать все вещи.

– Все? – изумился я.

– Да.

– Вы хотите сказать, чтобы я все вынул?

– Да.

– Чтобы после ужина запихнуть все обратно?

– Нет. Мы остаемся ночевать здесь.

Я хотел было отпустить язвительное замечание, так как, будучи натурой методичной, люблю, чтобы все шло по плану, но сообразил, что нам выгоднее остаться здесь, чем ехать в Кроуфилд, который кишит охотниками завладеть нашим номером в гостинице. С другой стороны, я сознавал, насколько неправильно было бы потакать самолюбию Вульфа, соглашаясь с ним, а потому молча вернулся в спальню и начал колдовать над чемоданами. Вскоре Вульф пришел в комнату, снял пиджак и жилет, бросил их на одну из кроватей и принялся расстегивать рубашку.

– Как вам удалось добиться, чтобы мистер Пратт пригласил нас? Использовали свое обаяние? – вкрадчиво спросил я.

– Я его не вынуждал. К тому же мы не гости. Мистер Пратт был счастлив принять мое деловое предложение.

– О! – Я круто повернулся к нему, держа в руках охапку носков и носовых платков. – Ваше предложение.

– Да. Буду с тобой до конца откровенен, Арчи. Ведь я мог бы сказать, что предложение исходило не от меня. Учитывая его затруднительное положение, вполне естественно было отплатить ему за гостеприимство. Он сразу же согласился и предложил нам условия работы, которые показались мне подходящими.

– Понимаю, – сказал я, по-прежнему не выпуская из рук предметы одежды Вульфа. – Что же это за работа, хотелось бы мне знать?

– Не слишком прибыльная, но и не трудная – вести наблюдение.

– Так я и думал.

Открыв ящик комода, я сунул туда носки и платки. Я стоял и наблюдал, как Вульф вылезает из рубашки, которая, протестуя, трещит по всем швам.

– Я заподозрил это, когда вы велели распаковать чемоданы. Что ж, хоть какое-то разнообразие. Патрулировать пастбище. Быть телохранителем быка. Вы прекрасно выспитесь сегодня. Ведь вам ни с кем не придется делить эту чудесную комнату.

– Не дерзи, Арчи. Конечно, это будет скучно для такого непоседливого человека, как ты...

– Скучно? – Я замахал рукой. – Что вы! Скучать одному в ночи, поверяя свои тайны звездам? Вы меня плохо знаете. Я буду задыхаться от счастья, сознавая, что мое бдение позволит вам наслаждаться сном в этой прекрасной постели... И еще рассвет! Мистер Вульф, я обожаю встречать рассветы!

– Ты не увидишь рассвета.

– Черта с два! Разве что меня пристрелит Клайд. Или бык подцепит на рога.

– Ни то, ни другое. Я уже обо всем договорился с мистером Праттом и мистером Макмилланом. Тот человек, по имени Дейв, будет сторожить, пока мы ужинаем. В восемь тридцать ты его сменишь, а в час тебя сменил мистер Макмиллан. Ты и дома часто ложишься в такое время. Только не шуми, когда придешь. Я не привык, чтобы меня будили.

– Ладно.

Я снова полез в чемодан и достал Вульфу свежую рубашку.

– Но будь я проклят, если потерплю рядом с собой дробовик этого Дейва. Я улажу это с Макмилланом. Кстати, я тоже подрядился на одну работенку. Не очень прибыльную. Я получу два доллара в качестве гонорара, но их поглотят расходы. Клиент – мисс Кэролайн Пратт.

– Не дури, – пробормотал Вульф.

– Истинная правда. Она заплатила мне два доллара, чтобы я спас ее брата от участи, которая страшнее смерти. До чего все-таки здорово быть детективом! Половину ночи нянчить быка, чтобы на следующий день пасть жертвой блондинки. Гляньте, здесь оторвана пуговица – придется послать телеграмму Фрицу.

Глава четвертая

Поверить звездам свои тайны мне не удалось. Еще до захода солнца начали сгущаться тучи, и к половине девятого наступила кромешная тьма. Вооружившись фонариком и основательно набив желудок вкусной пищей – конечно, уступающей яствам Фрица Бреннера, но во много раз лучше стряпни из праттерий, – я покинул общество, когда все еще потягивали кофе, и отправился на дежурство. Миновав огород, я заметил Дейва. Он сидел на перевернутом бочонке и судорожно сжимал в руках дробовик.

– Все в порядке, – объявил я, выключая фонарик, чтобы не расходовать батарейки. – Ты, должно быть, уже предвкушаешь ужин?

– Нет, – ответил он. – Я не ем так поздно. Я поел мяса с картошкой в шесть часов. Зато я плотно завтракаю.

– Очень интересно. А где бык?

– Последние полчаса я его не видел. Но он был вон там, за большим деревом. И почему они не хотят его привязать? Ума не приложу.

– Пратт объяснил, что в первую ночь быка привязали, но он так ревел, что не давал никому спать.

Дейв хмыкнул:

– Ну и пусть бы себе ревел.

Решив поискать быка – все лучше, чем торчать на одном месте, – я пошел вдоль забора к воротам, через которые мы въехали, когда спасали Вульфа. Да, ночь и впрямь выдалась темная. Пройдя ярдов тридцать, я посветил на пастбище, но быка не обнаружил. Я увидел его, когда миновал ворота. Он не лежал на траве, как ему, по моему мнению, подобало, а стоял, уставившись на луч фонарика. Он был огромный, как слон. Я крикнул ему: «Все в порядке, дружище. Это я, Арчи, не волнуйся!» – и с этими словами повернулся и отправился обратно.

Я считал, что скорее Цезарь начнет давать молоко, чем его похитят! Тем не менее, раз уж мне выпало дежурить до часу ночи, я решил проявлять бдительность на случай, если какой-нибудь болван все-таки решится сунуться на выпас. Умыкнуть быка можно было только через ворота, причем для этой цели лучше подходили боковые. Туда я и побрел, придерживаясь рукой за забор. Конечно, куда проще было бы пройти напрямик через пастбище. В такой темноте Цезарю вряд ли снова захочется поиграть со мной в пятнашки, но все же...

За огородом, ярдах в двухстах, виднелись освещенные окна дома. Дойдя до угла забора, я повернул налево и не успел глазом моргнуть, как очутился в зарослях шиповника. Десять минут спустя я уже проходил мимо нашей машины, по-прежнему уютно уткнувшейся в дерево. Вот наконец и ворота. Я оседлал забор и посветил на пастбище, но свет фонарика не достал до быка. И я его выключил.

Если долго живешь в деревне, то знаешь все ночные звуки. Мне же все было внове – каждый звук вызывал естественное любопытство. Сверчки и кузнечики в счет не идут, но когда что-то шуршит в траве, интересно узнать, что это такое. Что-то зашуршало на дереве, за дорогой. Зашумела листва, затем все замерло и вновь зашумело. Может быть, сова, решил я, или какой-то безобидный зверек. Луч фонарика его все равно не достанет.

Так я просидел с полчаса, когда услышал другой звук, на этот раз со стороны машины. Как будто нечто тяжелое ударилось обо что-то. Я посветил фонариком, сначала ничего не увидел, но потом разглядел за машиной белое пятно. Я хотел было крикнуть, но сдержался, погасил фонарик, спрыгнул с забора и отскочил в сторону. Могло стать, что Гернсейская лига подослала парочку отчаянных парней или сам Клайд Осгуд оказался отчаянным. Я осторожно приблизился к машине, обошел ее сзади и схватил кого-то за плечо.

Обладатель плеча взвизгнул, дернулся и возмущенно вскрикнул:

– Эй! Больно ведь!

Я включил фонарик, разжал пальцы и отступил.

– Ради бога, – сердито сказал я, – только не говорите мне, что вас обуревают нежные чувства к Цезарю.

Закутанная в темный платок поверх светлого платья, в котором она была за ужином, Лили Роуэн встала, потирая плечо.

– Если бы я не натолкнулась на крыло вашей машины, – заявила она, – вы бы и не догадались, что я здесь, и напугались бы до смерти.

– Замечательно. И зачем вам это?

– Черт побери, вы мне вывихнули плечо.

– Я вообще зверь. Как вы сюда попали?

– Пешком. Вышла прогуляться. Я не ожидала, что так темно, думала, глаза привыкнут. У меня зрение как у кошки, но такого мрака я не припомню. Это ваше лицо? Стойте спокойно.

Она дотронулась до моей щеки. Сперва я решил, что она царапнет, но прикосновение оказалось нежным. Когда же я почувствовал, что ее пальцы начинают ласкать мое лицо, то отшатнулся:

– Не надо! Я боюсь щекотки.

Она расхохоталась:

– Я хотела удостовериться, что это ваше лицо. Вы будете завтра обедать со мной?

– Да.

– В самом деле? – В ее голосе звучало удивление.

– Конечно. Точнее, вы можете пообедать со мной. Вы мне представляетесь довольно занятой особой. Почему бы не потратить на вас немного времени? Как на игрушку, которую можно выкинуть, когда натешишься. Ни для чего иного женщины мне не нужны. Все мои помыслы сосредоточены на карьере. Моя мечта – стать полисменом.

– Боже! Значит, мы должны быть благодарны, что вы уделяете нам хоть какое-то внимание? Давайте посидим немного в машине.

– Она заперта, а ключа у меня нет. К тому же я могу заснуть, а это мне не полагается – я охраняю быка. Поэтому вам лучше уйти. Я обещал держать ухо востро.

– Чушь!

Она обогнула крыло машины, задев меня, и села на боковую подножку.

– Идите сюда и дайте мне сигарету. Клайд Осгуд потерял голову и поэтому свалил дурака. Что может случиться с быком, если здесь всего двое ворот и одни находятся возле дома, а вторые охраняете вы? К тому же сейчас вы ничем не можете способствовать своей карьере. Идите же сюда и поиграйте с одной из ваших игрушек.

Я посветил в направлении ворот, выключил фонарик и подсел к ней.

– Не так близко, – произнесла она совершенно другим тоном. – Я боюсь щекотки.

– Во всем этом был, конечно, элемент неожиданности, – признал я, доставая сигареты. – Однако должен предупредить, что такие выходы меня раздражают. Ничего нового для меня вы не придумаете. К тому же вы немного не рассчитали. Подобная игра в кошки-мышки оправдана только тогда, когда вы уверены, что рыбка уже клюнула, а вам еще далеко...

Я прервал свои рассуждения, потому что она вскочила и зашагала прочь.

– Обед отменяется, – крикнул я ей вдогонку, – а что-то другое вы вряд ли сможете предложить.

Она вернулась, вновь уселась на подножку в футе от меня и провела кончиками пальцев по моему рукаву.

– Дайте мне сигарету, Эскамильо.

Я чиркнул спичкой, и она прикурила.

– Спасибо. Ну что ж, давайте знакомиться? Расскажите мне о себе.

– Что именно?

– Ну... расскажите о своей первой женщине.

– С удовольствием. Я плыл вверх по Амазонке на каноэ. Я был один, так как всю провизию шуток ради скормил крокодилам, а нанятые мной туземцы сбежали в джунгли. В течение двух месяцев я питался только рыбой, но однажды огромный тарпон оборвал мою снасть, и я остался без пропитания. Я умирал от голода, но упорно двигался вверх по реке, пока на пятый день не наткнулся на маленький островок. На берегу его стояла женщина восьми футов ростом. Это была амазонка. Я причалил к берегу, она подхватила меня на руки и отнесла в свою хижину, уверяя, что мне недостает только женской ласки. Ничего съедобного на острове не оказалось. Поэтому я избрал единственный выход и к заходу солнца уже варил амазонку в огромном котле, куда она обычно выжимала масло из лимонов. Она оказалась потрясающе вкусной. Насколько я помню, это и была моя первая женщина. Конечно, с тех пор...

Лили прервала меня и попросила рассказать о чем-нибудь другом. Мы выкурили еще по сигарете, и, возможно, мое дежурство так и закончилось бы, если бы вдруг с пастбища не донесся звук глухого удара, едва слышный из-за стрекота сверчков и кузнечиков. Это меня не очень обеспокоило, но я вспомнил, что ближайшие ко мне ворота не единственные, и решил выяснить, в чем дело. Лили запротестовала, уверяя, что это нелепо, но все-таки пошла со мной.

Она уцепилась за мою руку, – по ее словам, чтобы не упасть. Я забыл о зарослях шиповника, и Лили запуталась в них, так что мне пришлось извлекать ее оттуда. Завернув за угол, мы очутились в огороде, рядом с домом. Я сказал, что теперь она может уйти, но она заявила, что ей нравится мое общество. Цезаря я так и не обнаружил. Видимо, он предпочитал другой конец пастбища.

Мы приблизились ко вторым воротам, но быка по-прежнему нигде не было видно. Я остановился, прислушиваясь, и до меня донесся какой-то шорох, словно что-то волокли по земле. Я поспешил вперед, время от времени посвечивая на пастбище. Лили чуть приотстала. Признаться, шорох встревожил меня, поэтому я почувствовал огромное облегчение, когда увидел быка ярдах в десяти от забора. Потом мне показалось, что он стоит на голове. Во всяком случае, так это выглядело при тусклом свете фонарика.

Я припустил трусцой. Когда я остановился в очередной раз и включил фонарик, то увидел, что бык катает что-то рогами по земле. И вдруг я разглядел такое, что мои пальцы, державшие фонарик, онемели. Позади я услышал испуганный возглас Лили, а затем ее хриплый шепот:

– Это... это... Господи, да отгоните же быка!

Мне подумалось, что жертва, может быть, еще жива и надо действовать быстро и решительно. Я переложил фонарик в левую руку, достал пистолет и начал медленно приближаться к быку. Опасаясь, что он кинется на свет, я вытянул в сторону руку с фонариком и светил быку прямо в морду. Бык не тронулся с места. Когда я находился в десяти футах от него, он поднял голову и заморгал. Я несколько раз выстрелил в воздух. Бык взбрыкнул и ускакал прочь, сотрясая землю.

Я мигом подбежал к тому, что лежало на земле, и посветил фонариком. Одного взгляда было достаточно. Черта с два он жив, подумал я и принялся освещать пастбище, высматривая быка, но тут же понял, что это глупо, и вернулся к забору. Лили была на грани истерики. Она забросала меня вопросами.

– Это Клайд Осгуд, – ответил я. – Мертвый. Убирайтесь отсюда или замолчите, а то... – Я услышал крики со стороны дома и что есть мочи завопил: – Сюда! Сюда!

Показались огоньки фонариков. Через минуту на месте происшествия было уже четверо: Пратт, Джимми, Кэролайн и Макмиллан. Мне не пришлось ничего объяснять. Фонари были у каждого, а остальное лежало перед глазами. Кэролайн, взглянув, отвернулась и больше не оборачивалась. Пратт привалился к забору, не в силах отвести взгляд. Джимми влез было на забор, но тут же спрыгнул назад.

– Вынесите его оттуда, – сдавленным голосом произнес Пратт. – Надо вынести его... Где Берт? Куда подевался этот чертов Берт?

Макмиллан спросил:

– В кого вы стреляли? В Цезаря? Где он?

– Не знаю, – ответил я.

Появился Берт с сильным электрическим фонарем. Из темноты вынырнул Дейв с дробовиком в руках. Возвратившийся откуда-то Макмиллан сказал, что бык на другом конце пастбища и что его нужно привязать, но куда-то пропала веревка. Не видел ли ее кто-нибудь? Мы ответили, что не видели. Дейв вызвался принести веревку, и Макмиллан привязал быка. Я вдруг услышал свое имя и с изумлением увидел Вульфа.

– Где твой фонарик? – спросил он. – Дай его мне.

– Как вы попали сюда?

– Гулял, услышал выстрелы и встревожился, не случилось ли чего с тобой. Когда я подходил, мистер Макмиллан, привязывавший быка, рассказал мне, что произошло. Вернее, что было обнаружено. Кстати, мне вновь придется тебя предупредить, чтобы ты сдерживал свои профессиональные инстинкты. Не хватало только оказаться замешанным в этом деле!

– При чем тут профессиональные инстинкты?

– О! У тебя шок. Когда он пройдет, постарайся сообразить. – Он протянул руку. – Дай сюда фонарик.

Я отдал ему фонарик, и он пошел вдоль забора. Тут Макмиллан позвал меня на подмогу. Соскочив на непослушных ногах на пастбище, я заставил себя вернуться к месту происшествия. Дейв притащил брезент, и Джимми с Макмилланом растянули его на земле.

– Не надо его... Может быть, еще не поздно... Вы уверены, что он мертв? – произнес Пратт дрожащим голосом.

– У вас есть глаза? – спросил Макмиллан, расправляя брезент. – Посмотрите сами. Помогите, Гудвин. Положим его на брезент и возьмемся все вместе.

Мы понесли брезент – все, кроме Дейва, который поспешил вперед, чтобы открыть ворота. Когда мы шли мимо привязанного быка, он повернул голову и проводил нас взглядом. За воротами мы опустили брезент, переменили руки и понесли дальше. Взойдя на террасу, мы остановились в нерешительности, но тут появилась Кэролайн и провела нас в комнату за гостиной, где она накрыла простынями стоявший в углу диван. Мы опустили тело на диван, но брезент открывать не стали. Потом мы стояли вокруг, не глядя друг на друга.

Нарушил молчание Дейв:

– Никогда не видел ничего подобного. Господи, никогда такого не видел...

– Замолчи, – приказал ему Пратт. Он выглядел совсем разбитым. – Надо позвонить... Надо сообщить Осгудам. И доктору тоже. Обязательно надо вызвать доктора...

Джимми взял его под руку:

– Крепитесь, дядюшка. Вы не виноваты... Какого черта его понесло на пастбище? Выпейте чего-нибудь. Я сам позвоню.

Берт выскочил из комнаты, как только услышал слово «выпейте». Кэролайн вновь исчезла. Остальные топтались на месте. Я оставил их и пошел наверх.

В нашей комнате Ниро Вульф, уютно устроившись в кресле, при свете настольной лампы читал одну из книг, которые мы захватили с собой. Узнав мою походку, он не поднял головы, когда я вошел, – прямо как у себя дома. Я прошел в ванную, вымыл холодной водой руки и лицо, вернулся в комнату и сел.

Вульф оторвался от чтения:

– Ты не собираешься спать? Тебе бы следовало лечь. Расслабься, я скоро закончу. Уже одиннадцать часов.

– Знаю. Скоро явится доктор и захочет меня видеть. Я ведь был главным очевидцем.

Вульф кашлянул и снова углубился в книгу. Задумавшись, я сидел на краешке стула. Не знаю, сколько это продолжалось, но, когда Вульф снова заговорил, я обнаружил, что, уставившись в пол, скребу ладонь левой руки пальцами правой.

– Арчи, меня это раздражает.

– Привыкнете со временем, – грубо отозвался я.

Он дочитал до конца абзаца, закрыл книгу и вздохнул:

– Что, нервы не выдержали? Конечно, у тебя был шок. Но ведь тебе и прежде доводилось сталкиваться с такими вещами.

– Нет, дело не в нервах. Продолжайте читать. Сейчас у меня просто паршивое настроение, но к утру все пройдет. Вы что-то говорили о профессиональных инстинктах. Есть же у меня профессиональная гордость – пусть немного, но есть. Должен был я следить за быком или нет? В этом ведь заключалась моя работа. А я сидел у дороги и курировал, в то время как бык убивал человека.

– Ты охранял быка, а не человека. Бык цел и невредим.

– Благодарю покорно. Не было еще случая, чтобы вы дали мне важное поручение, а я с ним не справился. Если Арчи Гудвину поручили следить, чтобы на пастбище ничего не произошло, то ничего и не должно было произойти. А вы говорите, что бык цел и невредим и что он всего-навсего убил человека...

– Ты считаешь, что должен был это предотвратить?

– Да. Я был обязан не допустить этого.

– Когда наконец ты научишься точности? – вздохнул он. – Ты говоришь, будто я сказал тебе, что бык убил человека. Я этого не говорил. Если бы я так сказал, то погрешил бы против истины. Мистер Осгуд, безусловно, убит, но не быком.

Я вытаращился на него:

– Вы с ума сошли! Я видел это собственными глазами!

– Расскажи, что ты видел. Я не слышал от тебя никаких подробностей. Однако, бьюсь об заклад, ты не видел, как бык подцепил живого Осгуда на рога. Не так ли?

– Не видел. Когда я туда добрался, бык катал Осгуда по земле. Я не знал, жив ли еще Осгуд, поэтому перелез через забор и пошел к быку. Когда я был в десяти футах...

Вульф нахмурился:

– Ты подвергал себя ненужной опасности. Осгуд был уже мертв.

– Тогда я этого не знал. Я выстрелил в воздух, бык убежал, а я пошел посмотреть. Собственно, и вглядываться особенно не пришлось. А теперь у вас хватает хладнокровия утверждать, что бык его не убивал. Вы что, хотите состряпать из этого криминальный случай, потому что мы временно остались не у дел?

– Нет. Я хочу, чтобы ты прекратил скрести себе ладонь и дал мне дочитать главу. Я же объясняю тебе, что смерть мистера Осгуда не была результатом твоей халатности. Это произошло бы, где бы ты ни находился. Я могу назвать тысячу твоих промахов, но случившееся сегодня к ним не относится. Это вообще не промах. Ты должен был следить за тем, чтобы быка не увели из загона. У тебя не было причин подозревать, что кто-нибудь попытается причинить быку вред. Ведь задача противной стороны как раз и заключалась в том, чтобы

сохранить ему жизнь. Я надеюсь, что ты не будешь больше... – Он умолк, услышав шаги в коридоре.

Раздался стук в дверь, и вошел Берт.

– Вас просят спуститься вниз. Приехал мистер Осгуд.

Я ответил, что сейчас приду. Когда Берт вышел, Вульф сказал:

– Можешь ограничиться существом дела. То, что ты чесал себе ладонь, а я пытался это прекратить, касается только нас.

Я ответил, что думаю точно так же, и оставил его наедине с книгой.

Глава пятая

Внизу у лестницы меня поджидал Пратт. Он стоял, засунув руки в карманы и крепко стиснув зубы. Молча кивнув, он проводил меня в гостиную. Там, кусая губы, сидел какой-то человек. Не успели мы войти, как он рявкнул:

– Это вы Гудвин?

На его лице так и было написано, что он из тех, кто обожает командовать. Я сдержался и спокойно ответил:

– Да. Арчи Гудвин.

– Это вы стреляли и отогнали быка?

– Да, доктор.

– Я не доктор! Я Фредерик Осгуд. Моего сына убили. Моего единственного сына.

– Извините, я подумал, что вы доктор.

– Доктор едет из Кроуфилда. Мистер Осгуд живет по соседству и приехал раньше, – сказал Пратт.

Он стоял в сторонке и глядел на нас, по-прежнему держа руки в карманах.

– Расскажите, как все было. Я хочу знать, – потребовал Осгуд.

– Хорошо, сэр.

Я рассказал ему все вплоть до того момента, когда к месту действия подоспели другие. В конце я сказал, что остальные подробности он может узнать у мистера Пратта.

– Пратт вас не касается. Так вы говорите, что, когда мой сын залез в загон, вас там не было.

– Именно так я и говорю.

– Вы нью-йоркский детектив?

– Частный, – кивнул я.

– Служите у Ниро Вульфа и приехали сюда вместе с ним?

– Совершенно верно. Мистер Вульф сейчас наверху.

– Чем вы тут с Вульфом занимаетесь?

Не меняя тона, я ответил:

– Если хотите получить по зубам, то лучше встаньте.

– Какого черта...

Я предостерегающе поднял руку:

– Полегче. Я знаю, у вас только что погиб сын, и готов сделать на это скидку, но вы ведете себя нагло. И вообще, что с вами? Истерика?

Он закусил губу, а через мгновение заговорил более сдержанно:

– Нет, не истерика. Я хочу решить, стоит ли вызывать шерифа и полицию. Я не могу понять, что случилось. Я не верю, что все произошло так, как вы говорите.

Я посмотрел ему в глаза.

– Очень жаль. Потому что мой рассказ может подтвердить свидетель, который все время находился рядом со мной. Одна... э-э-э... молодая особа.

– Где она? Как ее зовут?

– Лили Роуэн.

Он в изумлении уставился на меня, потом на Пратта и снова на меня. Он даже перестал кусать губы.

– Она здесь?

– Да. И вот что еще я могу вам рассказать: неподалеку отсюда с нашей машиной произошла авария, и мы с мистером Вульфом пришли в этот дом, чтобы позвонить по телефону. Мы никого здесь не знали, в том числе и Лили Роуэн. После ужина она отправилась про-

гуляться и наткнулась на меня. Она была со мной, когда я обнаружил быка и отогнал его. Если вы вызовете полицию и полиция решит удостоить меня своим вниманием, то только зря потеряете время. Я вам рассказал все, что видел и делал.

Пальцы Осгуда впились в колени, как когти.

– Мой сын был вместе с этой Лили Роуэн?

– Пока она была со мной – нет. Мы встретились около половины десятого. Вашего сына я не видел с тех пор, как он ушел отсюда днем. Видела ли его мисс Роуэн, не знаю. Спросите ее.

– Я бы охотнее свернул ей шею! Что вы знаете о пари, которое мой сын заключил с Праттом?

– Я же вам все рассказал, Осгуд. Ради бога, успокойтесь хоть немного, – громко запротестовал Пратт.

– Я хочу услышать, что́ скажет он. Вы знаете условия пари?

– Конечно. Как и все другие, включая вашу дочь. – Я сочувственно взглянул на него. – Примите мой совет, сэр. У вас это скверно получается, очень скверно. Вы мне напоминаете плохого следователя, который пытается уличить карманника. Я видел многих людей, выбитых из седла внезапной смертью близких. Вам можно только посочувствовать, но если вы хотите разрабатывать какую-то версию, то лучше поручите это профессионалам. У вас есть подозрения?

– Да.

– Какие?

– Не знаю. Но я не понимаю, что́ произошло. Я не верю, что мой сын ни с того ни с сего полез в загон. Пратт утверждает, что он хотел увести быка. Это идиотское предположение. Мой сын не идиот. И не новичок в обращении со скотом. Разве мог он подойти к быку, если тот не на привязи? Или стоять на месте, когда бык бросился на него, и ждать, пока его не поднимут на рога?

– Вы же слышали, что́ сказал Макмиллан! – снова запротестовал Пратт. – Он мог поскользнуться, упасть, а бык был слишком близко...

– Я этому не верю. Зачем ему понадобилось туда идти?

– Чтобы выиграть пари.

Осгуд вскочил с места. Он был широкоплеч и чуть повыше Пратта, но с брюшком. Он наступал на Пратта, сжав кулаки, и цедил сквозь зубы:

– Дрянь ты этакая, я же тебя предупреждал, чтобы ты...

Я встал между ними, чувствуя себя более уверенно, чем при столкновении с быком. Лицом я стоял к Осгуду.

– Еще немного – и врачу придется лечить вас обоих. Если Пратт думает, что ваш сын пытался выиграть пари, то это его личное дело. Вы хотели узнать его мнение и узнали. А теперь прекратите! Иначе мы пошлем за шерифом и посмотрим, что́ он скажет. Потом все это попадет в газеты вместе с мнением Дейва, Лили Роуэн и всех остальных. Дело завертится, вмешается публика. А потом какой-нибудь смысленный репортер из Нью-Йорка напечатает интервью с быком...

– Извините, мистер Пратт, я никак не мог приехать раньше.

Мы обернулись. Вошедший – невысокий коренастый мужчина, у которого, казалось, не было шеи, – держал в руке черный докторский саквояж.

– Меня не было, когда позвонили... О, мистер Осгуд, это ужасно. Ужасно. Ужасно.

Я последовал за ними в соседнюю комнату, где стояли рояль и диван. Врач быстро подошел к дивану и поставил саквояж на стул. Осгуд встал у окна, спиной к нам. Когда отвернули брезент, врач громко вскрикнул: «Бог мой!» Осгуд невольно обернулся, но тут же принял прежнюю позу.

Через полчаса я поднялся наверх и доложил обо всем Вульфу, который успел облачиться в желтую пижаму и чистил зубы в ванной:

— Доктор Скетт засвидетельствовал смерть от несчастного случая вследствие раны, нанесенной быком. Фредерик Осгуд подозревает, что дело нечисто. По той же причине, что и вы, или нет, не знаю. Ведь вы мне своих подозрений не разъясняли. Мне никто не поручал выведывать у него...

Вульф прополоскал рот.

— Я просил тебя сообщить только факты.

— Все не так просто. Осгуд не хочет верить, что все случилось так, как представляется очевидным. Его главный довод: Клайд был слишком опытен, чтобы попасть быку на рога, и не имел никаких причин лезть в загон. Осгуд заявил это доктору Скетту и всем остальным. Однако Скетт списал его слова на шоковое состояние, и не без повода. Тогда Осгуд, даже не спрашивая разрешения позвонить, вызвал шерифа и полицию.

— В самом деле?

Вульф повесил полотенце на крючок.

— Напомни мне завтра отправить телеграмму Теодору. На одной из орхидей я обнаружил мучнистого червеца.

Глава шестая

Во вторник в одиннадцать утра я пил молоко из бутылки, которую купил в павильончике – в одном из сотен павильончиков, окружавших огромное круглое здание главного выставочного зала кроуфилдской ярмарки, – и наблюдал, как Ниро Вульф любезничает с конкурентом. Чувствовал я себя усталым. Блюстителю закона прибыли в дом Пратта около полуночи, и мне удалось лечь спать только в третьем часу, а утром Вульф поднял меня в седьмом часу.

За завтраком с нами были Пратт и Кэролайн. Лили Роуэн и Джимми отсутствовали. Пратт, выглядевший так, будто не ложился вообще, сообщил, что Макмиллан взялся сторожить быка до утра и теперь отсыпается наверху. Джимми поехал в Кроуфилд, чтобы отправить телеграммы об отмене назначенного приема. Складывалось впечатление, что Гикори Цезаря Гриндена все-таки не изжарят в назначенный день. Однако его судьба оставалась неясной. Было ясно одно: в четверг быка не съедят.

Шериф и полицейские обнаружили в загоне около того места, где погиб Клайд Осгуд, веревку с крюком на конце, которая использовалась для того, чтобы перелезть через забор, и признали быка виновным в смерти молодого человека. Это не убедило Фредерика Осгуда, но вполне удовлетворило полицию, и подозрения Осгуда были отвергнуты, как туманные, неподтвержденные и надуманные.

Укладывая наверху наши вещи, я спросил у Вульфа, удовлетворен ли он сам. В ответ босс пробормотал:

– Я же сказал тебе вчера вечером, что Осгуда убил не бык. К этому убеждению привела меня моя дьявольская любознательность. Но я не желаю забивать голову второстепенными деталями, так что обсуждать их мы не будем.

– Вы могли бы просто упомянуть, кто это сделал...

– Прошу тебя, Арчи, хватит об этом!

Я вздохнул и продолжал укладывать чемоданы. Мы собирались переехать в гостиницу. Контракт на охрану быка был расторгнут, и хотя Пратт из вежливости просил нас остаться, обстановка в доме этому не благоприятствовала. Мне пришлось паковать багаж и таскать его в машину, опрыскивать и грузить орхидеи, ехать в Кроуфилд с Кэролайн в качестве шофера, выдерживать бой за комнатку в гостинице, доставлять Вульфа и корзины на выставку, искать для них место, вытаскивать орхидеи из корзин, да так, чтобы не повредить их... В этих хлопотах прошло все утро.

Итак, в одиннадцать часов я пил молоко, пытаюсь восстановить растроченные силы. Орхидеи были опрысканы, приведены в полный порядок и красовались на выделенных нам стендах.

Вышеупомянутый конкурент, Чарльз Э. Шэнкс, с которым любезничал Вульф, представлял собой низенькую толстую личность с маленькими черными пронзительными глазками и двумя подбородками, одетую в грязный, неглаженный шерстяной костюм. Потягивая молоко, я наблюдал за ним, что было весьма поучительно.

Шэнкс знал, что Вульф нарушил традицию и лично отправился в Кроуфилд с гибридными орхидеями-альбиносами только ради того, чтобы завоевать приз и обогнать Шэнкса, который получил награду за выведенный им гибрид. Знал он и то, что Вульф мечтает выставить его на посмешище, ибо он уклонился от участия в нью-йоркской выставке и дважды отказался обменяться с Вульфом альбиносами. Достаточно было одного-единственного взгляда на гибриды Шэнкса, чтобы убедиться: всеобщее осмеяние ему гарантировано. Более того, все это не составляло загадки для Вульфа. Однако, слушая их милую болтовню, можно было подумать, что со лба у обоих струится не пот, а избыток братской любви. Зная мсти-

тельность Вульфа, побудившую его затеять эту поездку, я предвидел, что послушать их разговор будет весьма поучительно.

Из-за трагедии, случившейся в загоне, мне пришлось испытать несколько мелких неприятностей. Во время сражения за номер в гостинице ко мне подкатил молодой человек с горящими глазами, большими ушами и блокнотом. Схватив меня за лацканы, он потребовал как можно более красочного описания смертоубийства, и не только для местной газеты, но и для агентства Ассошиэйтед Пресс. Я сообщил ему кое-какие подробности в обмен на помощь в получении номера. Интерес к делу проявили и несколько других охотников за новостями, прибывших в город для освещения ярмарки.

А когда я помогал Вульфу расставлять орхидеи, ко мне подошел высокий и тощий человек в клетчатом костюме с нацепленной на лицо улыбкой, которую я узнал бы даже в Сиаме, – улыбкой человека, занимающего выборный пост и ожидающего переизбрания. Оглядевшись кругом и убедившись, что за нами никто не подглядывает, он представился как помощник окружного прокурора и, стерев с лица улыбку, горестным тоном, более уместным для бесед о смерти избирателя, почти шепотом поведал, что хотел бы выслушать мой рассказ о трагическом происшествии во владениях мистера Пратта.

Чувствуя, что это начинает меня раздражать, я, вместо того чтобы понизить голос, повысил его.

– Окружной прокурор, говорите? Хочет предъявить быку обвинения в убийстве?

Это смутило его, однако ему надо было показать, что он оценил мое остроумие, не уронив при этом собственного достоинства. Но мой возглас привлек внимание посторонних, и кое-кто из них уже остановился неподалеку от нас. Выпутался он довольно ловко.

– Нет-нет, – сказал он, – никакого обвинения в убийстве, ничего подобного. Однако желательно дополнить доклады шерифа и полиции сведениями из первых рук, чтобы избежать жалоб на небрежность следствия.

Я быстро и без всяких прикрас нарисовал ему всю картину, а он задал несколько довольно разумных вопросов. Когда помощник прокурора ушел, я оповестил об этом Вульфа, но на уме у шефа были только орхидеи и Чарльз Э. Шэнкс, и он к моему сообщению интереса не проявил. Немного погодя появился Шэнкс, вот тогда я и отправился за молоком.

Меня мучила этическая проблема, которая не могла быть решена до часу дня. После всего, что произошло у Пратта, я не знал, захочет ли Лили Роуэн отобедать со мной, а если не захочет, то как быть с двумя долларами, выданными мне Кэролайн? В конце концов я решил, что если и не смогу отработать свой гонорар, то не по своей вине.

На мое счастье, Вульф договорился пообедать с Шэнксом. Я все равно не стал бы с ними обедать – был сыт по горло разговорами о хранении пыльцы, питательных растворах и противогрибковых средствах, так что незадолго до часа вышел из главного выставочного павильона и направился к закусочной под навесом, которую обслуживали дамы из методистской церкви.

Довольно неподходящее место, подумал я, для того, чтобы пасть жертвой коварной блондинки, но ведь она сама заверила меня, что там готовят лучшую еду на всей ярмарке, а Кэролайн подтвердила это во время нашей утренней поездки в Кроуфилд.

Стоял ясный день, и толпы народа поднимали тучи пыли. Ярмарка бурлила: игорные павильончики бойко делали свое дело, не говоря уже о продавцах флажков, воздушных шаров, хот-догов, прохладительных напитков и воздушной кукурузы, заклинателей змей, владельцев рулетки и тиров, лоточниках с двухцветными авторучками и мадам Шасте, которая была готова предсказать ваше будущее всего за каких-то десять центов.

Я прошел мимо помоста, на котором стояла улыбающаяся девушка в лифчике из чистого золота и мохнатой юбке длиной в целых одиннадцать дюймов, а мужчина в черном котелке охрипшим голосом объявлял, что через восемь минут в их шатре будет продемон-

стрирован таинственный и мистический танец Дингарулы. Человек пятьдесят толпились вокруг помоста, глаза на девицу. Лица мужского пола всем своим видом показывали, что не прочь приобщиться к мистике, женщины же глядели с презрением и никакого интереса не проявляли. Я не спеша отправился дальше.

По мере того как я продвигался по главному проходу, ведущему к трибунам, толпа становилась все гуще. Я споткнулся о мальчугана, пытавшегося проскользнуть у меня между ног и догнать свою мамашу, наступил на ногу довольно симпатичной дородной коровнице и стойко выдержал ее грозный взгляд, потом еле увернулся от игрушечного зонтика, который пыталась воткнуть мне в ребра маленькая девочка. Наконец, пробившись сквозь толчею и миновав баптистскую закусочную с высокомерием светского человека, который знает, что к чему, я добрался до палатки, где размещалась столовая методистов.

Хотите – верьте, хотите – нет, но она уже сидела за дальним столиком около полотняной стены. Скрывая удивление, я с важным видом направился к ней по посыпанному опилками полу. На ней был светло-коричневый трикотажный костюмчик, синий шарф и маленькая синяя шляпка. Среди упитанных сельских жителей она выглядела как антилопа в стаде гернсейских коров. Я сел напротив и высказал ей это сравнение. Она зевнула и заявила, что, насколько представляет себе антилопы ноги, это не самый лучший комплимент. Еще до того, как я смог придумать достойный ответ, нас прервала методистка в белом фартуке, которая желала знать, что мы будем есть.

– Два куриных фрикасе с клецками, – заказала Лили.

– Подождите, – запротестовал я, – здесь написано, что у них есть говядина, запеченная в горшочках, и еще...

– Нет. – Лили была непреклонна. – Фрикасе с клецками здесь готовит миссис Миллер. Муж четыре раза бросал ее из-за скверного характера и четыре раза возвращался из-за ее кулинарных способностей. Это рассказал мне Джимми Пратт.

Официантка отправилась выполнять заказ. Лили улыбнулась и заметила:

– Я пришла сюда главным образом ради того, чтобы посмотреть, как вы удивитесь. А вы вовсе не удивились и начали сравнивать мои ноги с антилопами.

Я пожал плечами:

– Придирайтесь, придирайтесь. Признаюсь, мне приятно, что вы пришли. Иначе как бы я узнал об этом фрикасе? А вот о ногах вы зря. Ваши ножки необычайно хороши, и мы оба это знаем. Ноги даны женщине для того, чтобы на них ходить или чтобы ими любовались, но не обсуждали их, особенно в методистской твердыне. Вы, кстати, католичка? Знаете, в чем разница между католиком и рекой, текущей в гору?

Она не знала – я рассказал, и мы разговорились. Принесли фрикасе, и первый же кусок заставил меня задуматься, насколько же мерзок характер миссис Миллер, если муж пытался ее покинуть. Мне пришла в голову одна мысль, и когда через несколько минут я заметил, как в палатку вошли Вульф и Чарльз Э. Шэнкс и устроились за столиком в стороне от нас, я извинился, подошел к ним и порекомендовал заказать фрикасе. Вульф с серьезным видом кивнул.

Лили спросила, когда я уезжаю в Нью-Йорк. Я ответил, что мы уедем либо в среду вечером, либо в четверг утром – в зависимости от того, когда судьи конкурса орхидей огласят свое решение.

– Само собой, мы встретимся в Нью-Йорке, – заявила она.

– Да? – Я подобрал остатки риса. – А зачем?

– Просто так. Но я уверена, что мы увидимся. Если бы я вас не заинтересовала, вы не вели бы себя так грубо. А я заинтересовалась вами еще до того, как увидела ваше лицо. Это было, когда вы шли через загон. У вас такая походка. Ну, я не знаю...

– Вы хотите сказать – своеобразная? Может быть, вы заметили, что и через забор я перелез весьма своеобразно, когда бежал от быка? Кстати о быках: как я понимаю, пир отменяется?

– Да. – Она содрогнулась. – Конечно. Когда я ехала сюда, у загона толпились зеваки. Там, где стояла ваша машина... где мы встретились вчера вечером. Они бы залезли в загон и расплозились повсюду, если бы там не дежурил полицейский. Я не могу тут больше оставаться. Сегодня же уеду домой.

– А бык еще в загоне?

– Да, в дальнем конце. Где Макмиллан привязал его. – Лили поежилась. – Я никогда не видела такого, как вчера... Чуть сознание не потеряла. Зачем они задают все эти вопросы? Почему хотят знать, была ли я с вами? Какое это имеет отношение к тому, что бык забодал Клайда?

– Так полагается при расследовании несчастного случая. У свидетелей берут показания. Кстати, вы не сможете уехать сегодня, если они захотят начать дознание. Они вас спрашивали, видели ли вы Клайда после ужина, когда пошли гулять и встретили меня?

– Да. Но я его не видела. Почему это их интересует?

– Не знаю. – Я положил в кофе сахар. – Может быть, подозревают, что вы лишили его всякой надежды и он полез в загон, желая покончить жизнь самоубийством. Романтические бредни, такое бывает... Еще они интересовались, не явился ли Клайд в дом к Пратту, чтобы повидать вас, верно?

– Интересовались... – Она посмотрела на меня. – Этого я тоже не понимаю. Почему они решили, что он пришел повидаться со мной?

– Возможно, им это подсказал отец Клайда. Вчера вечером, узнав, что вы здесь, он чуть не взорвался. У меня сложилось впечатление, что когда-то вы виделись ему в кошмарах. Я-то понимаю, что это нелепо – при вашей внешности и всем прочем. Однако мне показалось, что он относится к вам не лучшим образом.

– Он просто зануда. – Она безразлично пожала плечами. – И не имеет права судачить обо мне. Во всяком случае, с вами. – Ее взгляд скользнул по мне. – И что же он заявил?

– Ничего особенного. Сказал только, что хотел бы свернуть вам шею. Я так понял, что вы когда-то дружили с его сыном. Полагаю, он сообщил об этом полиции и шерифу. Вот почему они интересовались, не ради ли вас Клайд пришел в дом Пратта.

– Нет, не ради меня. Вероятно, повидаться с Кэролайн.

Это для меня было новостью. Но я скрыл удивление и лениво осведомился:

– Разве между ними что-нибудь было?

– Да. – Она вытащила пудреницу и принялась изучать в зеркальце свою наружность с целью ее усовершенствовать. – Кажется, они были помолвлены. Вы, конечно, не знаете отношений, которые существуют между Осгудами и Праттом. Осгуды – богачи. Они ведут свой род от генерала, участника Войны за независимость. Их родственники в Нью-Йорке презирают этого выскочку Пратта. По мне, все это ерунда. Моя мать была официанткой, а отец – иммигрант, который зарабатывал на жизнь прокладкой канализации.

– По вам этого не скажешь. Пратт вчера говорил, что родился в старой хибаре, на месте которой теперь стоит его новый дом.

– Да, его отец служил конюхом у отца Осгуда. Клайд рассказывал мне об этом. Молодой Пратт был помолвлен с фермерской дочерью, красавицей Марсией. Когда Фредерик Осгуд вернулся домой после колледжа, он отбил ее у Пратта. Марсия родила ему Клайда и Нэнси. Пратт уехал в Нью-Йорк, и вскоре у него завелись деньги. Он так и не женился и стал выискивать способ досадить Осгуду. Он купил здесь землю, начал строиться, и стало казаться, что ему это действительно удастся.

– И тогда, – подхватил я, – Клайд, изучив историю семейной вражды, пришел к выводу, что для примирения семей ему следует жениться на племяннице Пратта. Конечно, для подобных целей больше подходит дочь, но и племянница тоже годится.

– Нет, эта идея пришла в голову не Клайду, а Нэнси, его сестре. – Лили захлопнула пудреницу. – Зимой она провела в Нью-Йорке, пропадала в лучших ночных клубах и повстречала Джимми и Кэролайн. Она решила познакомиться с ними поближе и, когда приехал Клайд, все устроила. Вскоре она по-настоящему подружилась с Джимми, а Клайд – с Кэролайн. Затем Клайд увлекся мной, и это, видимо, отразилось на отношениях между Нэнси и Джимми.

– Вы были помолвлены с Клайдом?

– Нет. – Она слегка улыбнулась и глубоко вздохнула. – Нет, Эскамильо. Я вряд ли выйду замуж. Ведь брак есть не что иное, как экономическое соглашение. Мне повезло, что я могу не принимать в этом участие.

– Клайд вам нравился?

– Одно время. – Она повела плечами. – Но вы же знаете, как бывает скучно, когда того, кого вы считали восхитительным, оказывается занудой. К тому же он хотел, чтобы я вышла за него замуж. Не думайте, что я такая бессердечная, вовсе нет. Кэролайн больше подходила на роль его жены, что я ему и сказала. Я думала, что у них все образуется, даже надеялась на это. Вот почему я считаю, что вчера он приходил повидаться, скорее всего, не со мной, а с Кэролайн.

– Может быть. Вы ее спрашивали?

– Бог мой, нет, конечно! Чтобы я спрашивала Кэролайн о Клайде! Я бы не осмелилась даже имя его упомянуть при ней! Она меня ненавидит.

– Но она же пригласила вас сюда.

– Да, из хитрости. Ее брат Джимми подружился со мной. И она решила, что если он приглядится ко мне здесь, в деревне, то поймет, какая я легкомысленная и коварная.

– Понятно. Значит, вы коварная?

– Ужасно. – Она снова улыбнулась. – Потому что я откровенна и бесхитростна. Потому что я никогда не предлагаю того, чего не могу дать, и никогда не даю того, за что потом ожидаю платы. Я страшно коварна. Но я, наверное, зря упомянула о легкомыслии. Вряд ли Кэролайн считает меня легкомысленной.

– Прошу прощения, мне на минуту нужно отойти, – прервал я ее и вышел из-за стола.

Ведя беседу с Лили, я краем глаза следил за столиком Вульфа, чтобы увидеть, как ему понравится фрикасе. Очевидно, оно оказалось вполне удовлетворительным, раз Вульф заказал вторую порцию. А покинул я свою искушительницу, повинувшись знаку, который он подал. Около Вульфа стоял какой-то мужчина и что-то говорил. Когда Вульф посмотрел в мою сторону и поднял бровь, я понял, что нужен ему, извинился и поспешил к боссу. Когда я подошел, мужчина повернул голову, и я узнал Лу Беннета, секретаря Гернсейской лиги.

– Арчи, я должен поблагодарить тебя за фрикасе. – Вульф положил на стол салфетку. – Оно великолепно. Только американские женщины, да и то немногие, умеют делать хорошие клецки. Ты знаком с мистером Беннетом?

– Да, мы встречались.

– Ты можешь без особых осложнений освободиться от... – Он указал большим пальцем в сторону моего столика.

– Прямо сейчас?

– Как можно скорее. Если ты не слишком увлечен беседой. Мистер Беннет разыскал меня по просьбе мистера Осгуда, который ждет нас в дирекции ярмарки.

– Хотя я и увлечен, но все улажу.

Я вернулся к своему столику, сообщил Лили, что нам придется расстаться, и попросил подать счет. Обед обошелся в один доллар шестьдесят центов. Оставив двадцать центов сверх счета на богоугодные дела, я с гордостью отметил, что на этом деле наша фирма получила двадцать центов чистого дохода.

С явным разочарованием, но без заметного раздражения Лили сказала:

– А я думала, что мы вместе проведем весь день. Посмотрим скачки, покатаемся на карусели, побросаем в цель мячи...

– Нет! – твердо возразил я. – Не сейчас. Что бы ни готовило нам будущее, что бы ни случилось, днем я на работе. Запомните раз и навсегда, что я человек подневольный и могу развлекаться только в свободное время. Я работаю даже тогда, когда вы об этом меньше всего подозреваете. Во время нашего восхитительного обеда я тоже работал и зарабатывал деньги.

– Наверное, когда вы говорили мне все эти очаровательные комплименты, главная половина вашего мозга трудилась над какой-нибудь сложной проблемой?

– Вот именно.

– Милый Эскамильо, дорогой Эскамильо, но ведь день когда-нибудь кончится, да? Что вы делаете вечером?

– Это известно только Богу. Я работаю на Ниро Вульфа.

Глава седьмая

Комната, куда провел нас Беннет, представляла собой просторное помещение с высоким потолком и обитыми тесом стенами, в одной из которых было два запыленных окна. Единственную мебель составляли три больших грубых стола и десяток стульев. На одном из столов была навалена охапка выцветших флагов и стояла корзина с яблоками. Остальные столы пустовали. Из стульев были заняты только три. Сидней Дарт, председатель совета Североатлантической ярмарки, который помещался на одном из них, поднялся, когда мы вошли. Фредерик Осгуд сидел ссутулившись, с усталым и горьким, но решительным выражением лица. Нэнси Осгуд выглядела несчастнее всех.

Беннет представил нас. Дарт пробормотал, что его ждут дела, и торопливо вышел. Вульф с безнадежным видом обвел глазами комнату и остановил взор на мне, безмолвно умоляя найти где-нибудь более подходящий для него стул. Но я безжалостно покачал головой: невозможно. Он поджал губы, вздохнул и уселся.

– Если я могу быть чем-нибудь полезен, то останусь... – промолвил Беннет.

Осгуд покачал головой:

– Спасибо, Лу. Можешь идти.

Беннет немного помедлил, всем своим видом показывая, что не прочь задержаться, и вышел. Когда дверь за ним закрылась, я пододвинул к себе стул и сел.

Осгуд окинул Вульфа хмурым взглядом.

– Значит, вы и есть Ниро Вульф? Я слышал, вы приехали в Кроуфилд выставить орхидеи?

– Кто вам это сказал? – обрезал его Вульф.

Выражение лица Осгуда начало было меняться, но затем он снова нахмурился:

– Разве это имеет значение?

– Нет. Не имеет значения и то, зачем я приехал в Кроуфилд. Беннет сказал, что вы хотели проконсультироваться со мной, но, очевидно, не по поводу орхидей.

Я сдержал улыбку, зная, что сейчас Вульф не только захватывает контроль над ситуацией, что необходимо и желательно, но заодно и вымещает свое негодование по поводу того, что за ним послали и он пришел.

– Ваши орхидеи меня не интересуют. – Осгуд продолжал хмуриться. – А знать, почему вы здесь, мне важно. Может быть, вы друг Тома Пратта или работаете на него. Вы были вчера в его доме?

– Почему это для вас важно? – спросил Вульф пока еще терпеливо. – Вы хотите со мной проконсультироваться или нет? Если хотите, но я решу, что чем-то обязан противной стороне, я вас извещу. Вы начали разговор грубо и оскорбительно. Я не обязан давать вам отчет о причинах моего присутствия в Кроуфилде или где-либо еще. Если вы нуждаетесь в моих услугах, то я перед вами.

– Вы друг Тома Пратта?

Вульф хрюкнул от раздражения, поднялся и шагнул к двери.

– Пошли, Арчи.

– Куда вы? – вскричал Осгуд. – Проклятье, имею же я право спросить...

– Нет! – Вульф воззрился на него сверху вниз. – Вы не имеете права ни о чем меня спрашивать. Я профессиональный детектив, имеющий определенную репутацию. Когда я берусь за дело, то довожу его до конца. Если по какой-либо причине я не могу выполнить его добросовестно, то отказываюсь от него. Пошли, Арчи.

Я неохотно поднялся с места. Мне не хотелось бросать это дело, которое могло оказаться весьма интересным. Кроме того, мне не давало покоя выражение лица Нэнси Осгуд.

Как только Вульф собрался уходить, на нем отразилось облегчение, которое стало еще очевиднее, когда Вульф направился к двери. Подобные наблюдения всегда будоражили мой ум, поэтому я обрадовался последовавшей за сим капитуляцией Осгуда.

– Ладно, – проворчал он, – прошу извинения. Садитесь. Я, конечно, слышал о вас и о вашей чертовой независимости. Придется это проглотить. Вы мне нужны, ничего не поделаешь. Здешние идиоты... Во-первых, все они безмозглые, а во-вторых, трусы. Я хочу, чтобы вы расследовали смерть моего сына Клайда.

Вульф, конечно, принял извинения и снова уселся. Лицо Нэнси вновь напряглось, и рука ее, лежавшая на коленях, сжалась в кулак.

– Что именно вас интересует? – спросил Вульф.

– Я хочу знать, как он был убит!

– Его убил бык. Таково официальное заключение.

– Я ему не верю. Мой сын знал, как обращаться со скотом. Что он делал в загоне ночью? То, что говорит Пратт, – будто Клайд забрался туда, чтобы увести быка, – просто абсурд. У Клайда наверняка хватило бы ума не дать себя забодать.

– И все же бык его забодал. Если не бык, то кто убил его, каким образом и чем?

– Не знаю. Вы специалист, и я хочу услышать ваше мнение.

– Мнение специалиста стоит денег, мистер Осгуд, – вздохнул Вульф. – Особенно мое мнение. Я беру высокие гонорары. Сомневаюсь, смогу ли я взяться за расследование гибели вашего сына. Я собираюсь выехать в Нью-Йорк в четверг утром и не хотел бы здесь задерживаться. Я домосед, и когда покидаю свой дом, меня тянет обратно. За расследование я не возьмусь, а за гонорар в тысячу долларов могу сейчас же сообщить вам свое мнение.

Осгуд уставился на него:

– Тысячу долларов за то, что вы сейчас скажете?

– Я сообщу вам о выводах, к которым пришел. Не знаю, стоят ли они таких денег.

– Тогда какого черта вы их просите?

– Папа, я же говорила тебе, – вмешалась Нэнси. – Это глупо... Это ужасно глупо.

Вульф взглянул на нее, затем на ее отца и пожал плечами:

– Такова моя цена, сэр.

– За догадку?

– О нет. За правду.

– Правду? И вы готовы доказать ее?

– Нет. Я предлагаю вам купить правду, а не ее доказательства.

– Хорошо, я заплачу. Говорите.

– Так вот. – Вульф поджал губы и полуприкрыл глаза. – Клайд Осгуд оказался в загоне не по собственной воле. Он был без сознания, хотя еще жив, когда его туда втащили. Бык не бодал его, следовательно, и не убивал. Клайд был убит. Вероятно, одним, возможно, двумя мужчинами. А возможно, женщиной или мужчиной и женщиной.

Нэнси выпрямилась и словно окаменела. Осгуд уставился на Вульфа.

– Это... это... – Он замолк и сжал зубы. – Вы утверждаете, что моего сына убили?

– Да. Таково мое мнение.

– Насколько это верно? Откуда вы это узнали? Черт побери, если вы валяете дурака...

– Помилуйте, мистер Осгуд! Я не валяю дурака, я работаю. Заверяю вас, что мое мнение вполне компетентно. А стоит ли оно тех денег, которые вы за него платите, зависит от того, как вы им воспользуетесь.

Осгуд поднялся, подошел к дочери и пристально посмотрел на нее.

– Ты слышишь, Нэнси? – сказал он, как будто обвиняя ее в чем-то. – Ты слышишь, что он говорит? Я так и знал. Я говорил тебе! Его убили!

Он обернулся к Вульфу, хотел что-то сказать, но молча опустил на место.

Нэнси возмущенно спросила:

– Почему вы так говорите? С чего вы взяли, что Клайда убили? Почему вы говорите, будто... будто вы знаете...

– Потому что я пришел к такому мнению, мисс Осгуд.

– Но как? Почему?

– Успокойся, Нэнси. – Осгуд повернулся в Вульф: – Хорошо, я услышал ваше мнение. Теперь я хочу знать, на чем оно основано.

– На моих умозаключениях.

– Из чего они вытекают?

– Из фактов. – Вульф поднял палец. – Вы можете их узнать, если пожелаете. Но вы говорили о «здесьних идиотах» и называли их всех трусами. Вы имели в виду власти?

– Да. Окружного прокурора и шерифа.

– Вы считаете их трусами потому, что они не решились взяться за расследование смерти вашего сына?

– Они не просто не решились, они отказались! Заявили, что мои подозрения надуманны и необоснованны. Правда, выразились другими словами, но имели в виду именно это. Они боятся не справиться.

– Но у вас положение, власть, политическое влияние...

– Нет. Особенно это касается окружного прокурора Уодделла. Я выступал против него на выборах. Его избрали в основном на деньги Тома Пратта. Но это же убийство! Вы сами говорите, что это убийство!

– Они, возможно, убеждены в обратном. При данных обстоятельствах это вполне вероятно. Вы полагаете, они смогут замять убийство, чтобы избавить Пратта от неприятностей?

– Я знаю только, что они не хотят меня слушать. Но я добьюсь, чтобы убийца моего сына был наказан. Вот почему я обратился к вам.

– Так-так... – Вульф поерзал на стуле. – Дело в том, что вы не смогли сообщить им ничего существенного. Вы им говорили, что ваш сын не полез бы в загон – но он там оказался. Сказали, что у него хватало опыта, чтобы не позволить быку себя забодать, – но это лишь ваше утверждение, а никак не признанный факт. Вы просили меня расследовать убийство вашего сына, но я не могу взяться за дело, если одновременно этим не займется полиция. Нужно будет проделать большую работу, а у меня здесь, кроме мистера Гудвина, нет помощников. Кроме того, я не имею права допрашивать людей. Если я вообще возьмусь за дело, то прежде всего необходимо обеспечить участие в нем властей. Окружная прокуратура находится в Кроуфилде?

– Да.

– Прокурор сейчас там?

– Да.

– Тогда я предлагаю встретиться с ним. Я берусь убедить его начать расследование немедленно. Это, конечно, потребует дополнительного гонорара, но я не стану называть непомерную сумму. После этого мы вернемся к вашей просьбе о том, чтобы я лично взялся за расследование. Возможно, вы решите, что в этом нет необходимости, а возможно, я сам посчитаю это бесцельным. Ваша машина здесь? Вы доверите ее мистеру Гудвину? Мою он разбил.

– Я сам вожу свою машину. Я или моя дочь. Ох, до чего мне не хочется ехать к этому ослу Уодделлу...

– Боюсь, что это неизбежно. – Вульф поднял свою тушу со стула. – Некоторые меры должны быть приняты безотлагательно. И в этом может понадобиться помощь властей.

Большой черный седан Осгудов вела Нэнси. Я сидел рядом с ней. Шоссе и улицы Кроуфилда были забиты машинами, направлявшимися на ярмарку или с ярмарки. Хотя Нэнси

несколько импульсивно обращалась с рулем и судорожно нажимала на акселератор, в общем со своей задачей она справлялась неплохо. Один раз я обернулся и заметил, что Вульф цепко держится за ремень. Наконец мы подкатили к старому каменному зданию с вырезанными над входом буквами: «Кроуфилдский окружной суд».

Осгуд вылез из машины.

– Поезжай домой, Нэнси, побудь с матерью, – велел он. – Я позвоню, если выяснится что-нибудь новое.

– Лучше, чтобы она осталась, – вмешался Вульф. – Возможно, мне потребуется переговорить с ней.

– С моей дочерью? – Осгуд нахмурился. – Зачем? Ерунда!

– Как вам угодно, сэр. – Вульф пожал плечами. – Скорее всего, я не захочу браться за это дело. К тому же для клиента вы чертовски воинственно настроены.

– Но зачем вам может понадобиться разговор с моей дочерью?

– Чтобы получить информацию. Позвольте дать вам один совет, мистер Осгуд: отправляйтесь вместе с вашей дочерью домой и забудьте о мести. Компетентное расследование убийства – процесс весьма неприятный. Боюсь, вам придется нелегко. Оставьте эту мысль. Чек на тысячу долларов вы можете послать мне по почте, когда вам будет удобно.

– Я не отступлю.

– Тогда приготовьтесь к вмешательству в вашу личную жизнь, к назойливым расспросам, оскорбительной гласности.

– Все равно не отступлю!

– В самом деле? – Вульф наклонился и заглянул в несчастное лицо девушки, сидящей за рулем: – Тогда, пожалуй, подождите нас здесь, мисс Осгуд.

Глава восьмая

При обычных обстоятельствах нескрываемая самоуверенность Вульфа не вызвала бы ничего, кроме отвращения, но в этот день мне было жаль босса. Его вынуждали нарушать самые нерушимые правила: ездить с незнакомыми водителями, пробираться сквозь толпу, являться по вызову вероятного клиента, посещать государственных чиновников и все время искать место, где он мог бы с удобством пристроить свою тушу.

Комната в гостинице, которую удалось получить (оставленный нам номер уже заняли), оказалась маленькой, темной и душной. Единственное окошко выходило на строительную площадку, где беспрерывно грохотала бетономешалка. Стоило открыть окно, как в комнату влетали облака пыли. У наших стендов в выставочном павильоне негде было присесть. В закусочной у методистов стояли только складные стулья. В комнате, где мы разговаривали с Осгудом и где Вульф, видимо, ожидал найти что-нибудь сносное, стулья оказались лишь чуть-чуть лучше. Прокуратура оставалась последней слабой надеждой Вульфа.

Когда мы вошли в кабинет, Вульф сразу заметил единственное кресло с подлокотниками, обтянутое вытертой черной кожей, и с невиданной прытью бросился к нему. Дождавшись, пока закончится обмен приветствиями, он рухнул в кресло.

Окружной прокурор Картер Уодделл, невысокий пухленький человечек средних лет, довольно болтливый, не закрывал рта, выражая Осгуду свое сочувствие в связи с постигшей того утратой и заверяя, что прошлые выборы не оставили у него никаких враждебных чувств. Он говорил о любви к родному округу (две тысячи акров которого принадлежали Осгуду) и изъявил полнейшее желание продолжить утренний разговор, присовокупив, однако, что его мнение не изменилось. На это Осгуд заметил, что ничего не собирается обсуждать с ним, поскольку это будет пустой тратой времени, но мистер Ниро Вульф имеет кое-что сказать.

– Разумеется, разумеется, – затараторил Уодделл. – Репутация мистера Вульфа хорошо известна. Нам, бедным провинциалам, есть чему у него поучиться. Не так ли, мистер Вульф?

– Речь не об этом, мистер Уодделл, – изрек Вульф. – Сейчас я хочу сообщить вам кое-что об убийстве Клайда Осгуда.

– Об убийстве? – выпучил глаза Уодделл. – Ничего не понимаю... *Petitio principii*² не слишком хорошее начало для разговора, не так ли?

– Согласен. – Вульф устроился в кресле поудобнее и вздохнул. – Когда я говорю об убийстве, это не аксиома, но утверждение, требующее доказательства. Вы когда-нибудь видели, как бык убивает или ранит человека рогами?

– Нет, не могу этого утверждать.

– Вы когда-нибудь видели быка, забодавшего человека, лошадь или любое другое животное? Сразу же после того, как это случилось?

– Нет.

– А я видел. На корридах. Убитые лошади, раненые люди... даже убитые... Видели вы это или нет, но легко можно представить, что происходит, когда бык вонзает рога в живое тело и подбрасывает жертву в воздух. Кровь жертвы обрызгивает морду быка. Несчастный истекает кровью. Так было и с Клайдом Осгудом. Его одежда окровавлена. Я слышал, что в полицейском протоколе говорится о луже запекшейся крови на том месте, где он был убит. Вчера вечером мой помощник мистер Гудвин видел, как бык рогами катал тело Клайда Осгуда по земле. Естественно было предположить, что именно бык явился причиной его

² Предвосхищение основания (*лат.*). Логическая ошибка, заключающаяся в скрытом допущении недоказанной предпосылки для доказательства.

смерти. Но не более чем через четверть часа после того, как быка привязали, я осмотрел его. Морда у быка белая, на ней виднелось лишь одно пятнышко крови, и только кончики рогов были в крови. Этот факт отмечен в полицейском протоколе?

– Не знаю... Кажется, нет, – медленно произнес Уодделл.

– Тогда я рекомендую немедленно осмотреть быка, если ему еще не вымыли морду. – Вульф поднял палец. – Я пришел сюда, мистер Уодделл, не для того, чтобы строить догадки. И я не собираюсь с вами спорить. Часто, рассматривая различные аспекты явления, мы встречаемся с подозрительными обстоятельствами, которые требуют изучения и вызывают споры, но высказанные мной соображения служат бесспорным доказательством того, что Клайд Огсуд погиб не от рогов быка. Вы говорили о моей репутации. Я готов поставить ее на карту.

– Бог мой! – пробормотал Огсуд. – Бог мой, я же видел быка и даже не подумал...

– Боюсь, что вчера вам было не до размышлений, – заметил Вульф. – Никто от вас этого и не ожидал. Но от полиции, тем более сельской...

Прокурор, ничем не проявив обиды, согласился:

– Вы говорите дело, я это признаю. Но я хотел бы знать мнение врача.

– Если вы хотите проконсультироваться с врачом, поговорите с тем, который видел рану.

– Вы говорите очень убежденно, мистер Вульф. Очень.

Я заметил, что Уодделл старается не смотреть на Огсуда.

– Еще одно, – произнес прокурор. – Эта рана... Если ее нанес не бык, то кто и чем? Каким орудием?

– Орудие убийства валяется меньше чем в тридцати ярдах от забора. Или валялось. Вчера я его видел.

Ага, подумал я, сейчас начнется фейерверк. Мы все уставились на Вульфа. Огсуд что-то воскликнул, а Уодделл надтреснутым голосом переспросил:

– Что вы сказали?

– Я сказал, что видел его.

– Орудие убийства?

– Да. Я одолжил у мистера Гудвина фонарик, поскольку слабо верил, что Клайд Огсуд мог позволить быку забодать себя. Днем он сам говорил, что разбирается в скоте. Позднее его отцу пришла в голову та же мысль, но мистер Пратт не пошел дальше этого. Я взял фонарик, осмотрел быка и сразу понял, что не бык убил Клайда Огсуда. Возникает вопрос: кто же?

Вульф поерзал в кресле, которое все-таки было на восемь дюймов уже, чем ему требовалось, и продолжил:

– Весьма интересен вопрос, от чего зависит умение делать точные выводы: от природных способностей или от тренировки? Что касается меня, то, как бы ни одарила меня природа, я имел возможность на протяжении длительного времени развивать свои способности. Один из результатов этого, не всем и не всегда приятный, заключается в том, что иногда я способен обращать внимание на вещи, меня не касающиеся. Так случилось и прошлой ночью. Через тридцать секунд после осмотра морды быка я пришел к выводу относительно возможного орудия убийства. Догадываясь, где его искать, я нашел его и осмотрел. Мои догадки подтвердились. Тогда я направился к дому, поняв, как было совершено убийство.

– Что это за орудие? Где оно?

– Обычная кирка. Днем, когда мистер Гудвин разбил мою машину и на нас напал бык, мисс Пратт вывезла меня из загона на автомобиле. Мы проехали мимо ямы, в которой, как я потом узнал, должны были жарить быка. Вокруг ямы виднелись кучи свежей земли и валялись кирки и лопаты. Осмотрев морду быка, я подумал, что орудием убийства могла быть кирка. Я отправился с фонарем к яме, и это подтвердилось. Там лежали две кирки. Одна

совершенно сухая, с присохшими комочками земли, а другая влажная. Даже сам металл снизу еще оставался влажным, а деревянная ручка – тем более. На металле не было земли. Должно быть, недавно кирку тщательно вымыли. Недалеко от ямы я обнаружил шланг для полива, и, когда поднял его, оттуда потекла вода. Ощупав траву вокруг шланга, я убедился, что она мокрая. Я почти уверен, что смертельную рану нанесли киркой, а затем орудие убийства окатили водой из шланга, смыв с него кровь, и снова положили на кучу земли, где я и обнаружил кирку.

– Вы утверждаете, что... – Фредерик Осгуд стиснул зубы. Костяшки его сжатых кулаков, лежавших на коленях, побелели. – Мой сын... убит... киркой?

Уодделл встревожился и попытался перейти в наступление:

– Но почему же вы вчера молчали, когда там были и шериф, и полицейские?

– Вчера я не представлял ничьих интересов.

– А интересы справедливости? Вы же гражданин! Вы знаете, какую ответственность несете за сокрытие улик?

– Ерунда. Я не скрывал ни бычьей морды, ни кирки. А мои мыслительные процессы и выводы, которые из них вытекают, принадлежат только мне.

– Вы говорите, что ручка у кирки оказалась мокрой, а на металле не было прилипшей грязи. А разве ее не могли вымыть по какой-нибудь другой причине? Вы расспрашивали об этом?

– Я никого ни о чем не расспрашивал. В одиннадцать часов вечера ручка кирки была мокрой. Если вы считаете разумным искать человека, который, не имея оснований чего-то опасаться, ночью моет кирку, что ж, действуйте. Если же вам нужно подтверждение моей версии, поищите лучше следы крови на траве возле шланга и отправьте кирку на анализ. С дерева весьма трудно удалить кровь.

– Не командуйте мной. – Окружной прокурор пронзительно взглянул на Осгуда и вновь обернулся к Вульффу. – Поймите меня правильно... И вы тоже, Осгуд. Я прокурор округа, я знаю свой долг и выполняю его. Если было совершено преступление, то мы не закроем на него глаза, но я не собираюсь поднимать шумиху ради шумихи, и вы не можете ставить это мне в вину. Этого не одобрили бы мои избиратели, да и никому это не нужно. Есть кровь на морде быка или нет, узнаю я или не узнаю, почему ночью мыли кирку, все равно ваша версия кажется мне высосанной из пальца. Что же, убийца с киркой залез в загон – где, кстати, был бык, – потом туда же залез Клайд Осгуд и покорно ждал, пока убийца нанесет удар? Или другой вариант: Клайд находится в загоне, а преступник с киркой перелез туда следом за ним и убил его. Вы можете представить себе человека, на которого замахиваются киркой, а он спокойно ждет, пока его ударят?

– Я же вам говорил, Вульф! Только послушайте этого идиота, – прорычал Осгуд. – Вот что, Картер Уодделл! Я вам кое-что скажу...

– Прошу вас, джентльмены! – Вульф поднял руку. – Мы теряем время. – Он поглядел на прокурора и терпеливо промолвил: – У вас неверный подход к делу. Не нужно закрывать глаза на факты. Вы ведете себя как женщина, которая прикрывает пепельницей пятно на скатерти. Но ведь рано или поздно кто-нибудь все равно сдвинет пепельницу. Факты таковы, что кто-то убил Клайда Осгуда киркой. И ваша обязанность – установить это, выяснить, как все произошло, а не изобретать невероятные версии.

– Я ничего не изобретаю, я только...

– Прошу прощения. Вы считаете, что Клайд сам перелез через забор в загон и покорно стоял в темноте, ожидая, пока ему нанесут смертельный удар. Я признаю, что первое маловероятно, а второе почти невозможно. Это пришло мне в голову вчера вечером на месте преступления. И, как я сказал, к тому времени, когда я вернулся в дом, мне уже было ясно, как совершено преступление. Я не верю, что Клайд Осгуд сам перелез через забор. Сперва его,

возможно, оглушили ударом по голове, затем отнесли к забору, подсунули под забор или перевалили через него и оттащили внутрь загона еще на десять – пятнадцать ярдов. Потом убийца с силой ударил его киркой, нанеся глубокую рану, которая очень похожа на те, что оставляют рога быка. Кровь, конечно, испачкала кирку, но не человека, который ее держал. Затем убийца снял с забора веревку с крюком и бросил ее около тела, создавая видимость того, что Клайд сам забрался в загон. Вымыв кирку водой из шланга, он отнес ее на место и ушел.

– А бык? – возразил Уодделл. – Что же, бык дожидался, пока убийца уйдет, и лишь затем накинулся на тело?

– Не могу сказать. Было темно. Бык мог напасть, а мог и не напасть. Предлагаю на выбор три варианта. Первый: убийца умеет обращаться с быком и, перед тем как отвязать животное, измазал его рога кровью. Второй: нанеся удар киркой, убийца подманил быка к телу, зная, что запах крови заставит быка, самое меньшее, прикоснуться к убитому. Третий: убийца действовал, когда бык находился на другой стороне загона, и вообще не пытался испачкать рога быка кровью, рассчитывая, что в суматохе и под влиянием других обстоятельств на это не обратят внимание. Его счастье, что мистер Гудвин подошел как раз тогда, когда бык удовлетворял свое любопытство. Но ему не повезло, что там оказался я.

Уодделл сидел хмурый, поджав губы. Через мгновение он выпалил:

– На ручке кирки должны быть отпечатки пальцев...

Вульф покачал головой:

– Убийца мог стереть отпечатки носовым платком или пучком травы. Вряд ли он идиот.

Уодделл нахмурился еще сильнее.

– Насчет того, что быка могли привязать к забору и вымазать рога кровью... Чтобы сделать это, надо знать норы быка. Мне кажется, проделать такое мог только Монт Макмиллан, ведь бык принадлежал ему. Может быть, вы сумеете объяснить нам, почему Монт Макмиллан хотел убить Клайда Осгуда?

– Силы небесные, конечно нет! Существуют по меньшей мере еще две альтернативы. Возможно, Макмиллан и способен на убийство ради спасения быка, однако не спешите с выводами! Помните, что убийство не имело отношения к попыткам уберечь быка. Клайда оглушили не в загоне, а где-то еще.

– Это только ваша догадка.

– Таково мое мнение. Я очень осторожно его высказываю. Это мой хлеб насущный и главный источник самоуважения.

Уодделл сидел поджав губы. Осгуд вдруг набросился на него:

– Ну, что вы скажете теперь?

Уодделл встал, отпихнув ногой стул, сунул руки в карманы и с минуту молча разглядывал Вульфа. Затем отступил назад и снова сел.

– Черт побери, – сказал он с горечью. – Придется срочно этим заняться. Боже, какой кошмар! На земле Тома Пратта... Клайд Осгуд... Ваш сын, Фред. И вы знаете, с кем мне придется работать... Знаете, чего стоит Сэм Лейк. Я сейчас же поеду к Пратту.

Он двинулся к телефону.

– Видите, каковы перспективы? – заметил Осгуд.

Вульф со вздохом кивнул:

– Ситуация очень сложная, мистер Осгуд.

– Да... И вот что я хочу сказать. Во-первых, приношу извинения за то, что грубо разговаривал с вами сегодня. Вы действительно заслужили свою репутацию. Не о всяком это можно сказать. Во-вторых, как видите, вам придется взяться за это дело. Вы не должны его оставить.

Вульф покачал головой:

– Я собираюсь выехать в Нью-Йорк в четверг утром. Послезавтра.

– Боже мой! Но ведь это же ваша работа! Какая разница, где вы будете – здесь или в Нью-Йорке?

– Разница огромная. В Нью-Йорке у меня свой дом, кабинет, повар, привычное окружение!

– Вы хотите сказать... – Осгуд захлебнулся от негодования. – Вы хотите сказать, что у вас хватит бесстыдства отказать человеку в моем положении ради личного комфорта?

– Хватит. – Вульф был невозмутим. – Я не несу ответственности за то положение, в котором вы оказались. Мистер Гудвин подтвердит вам – я терпеть не могу покидать свой дом, а тем более надолго. Кроме того, вы сочли бы мои претензии заслуживающими уважения, если бы видели, в каком шумном и вонючем гостиничном номере мне придется спать еще две ночи. И бог знает сколько еще, если я приму ваше предложение.

– Тогда переезжайте ко мне. Мой дом всего в шестнадцать милях от города, и вы сможете пользоваться моей машиной, пока не починят вашу.

– Не знаю... – Вульф с сомнением посмотрел на него. – Разумеется, если я возьмусь за это дело, мне немедленно потребуется большое количество информации от вас и вашей дочери. И ваш дом – самое подходящее место для того, чтобы ее получить...

Я вскочил, щелкнул каблуками и отдал ему честь. Вульф уставился на меня. Он, конечно, знал, что я вижу его насквозь, Макиавелли был по сравнению с ним невинным пастушком. Не то чтобы я не одобрил его решение – ведь теперь я тоже мог рассчитывать на вполне приличную кровать, – но оно служило еще одним доказательством, что по-настоящему доверять Вульфу нельзя ни при каких обстоятельствах.

Глава девятая

Нэнси отвезла нас в гостиницу за багажом, а потом на ярмарку, где мы еще раз глянули на орхидеи и опрыскали их водой. Шэнкса там не было, и Вульф договорился с женщиной у стенда с георгинами, чтобы та присмотрела за нашими цветами.

Утром по дороге в Кроуфилд Кэролайн Пратт показала нам поместье Осгудов. Оно находилось всего лишь в миле от дома Праттов. Амбары и другие хозяйственные постройки были хорошо видны с шоссе, но сам дом скрывался за деревьями. Когда мы подъехали, нашему взгляду предстало большое старинное белое здание с портиком.

Тут произошла неожиданная встреча. Когда мы входили в дом, к нам приблизился запыленный и потный Бронсон, вытиравший лоб носовым платком. Он сменил костюм, рубашку и галстук, но выглядел так же нелепо, как и вчера, когда я впервые увидел его на террасе у Пратта. Осгуд небрежно кивнул ему, но, заметив, что гость собирается что-то сказать, остановился.

Вчера, когда мое внимание занимали другие люди, я не особенно разглядывал Бронсона. Теперь же я отметил, что ему около тридцати лет, он высокого роста и хорошо сложен, с толстыми губами, тупым носом и острым взглядом серых глаз. Глаза его мне не понравились.

– Надеюсь, вы не будете возражать, мистер Осгуд, – почтительно произнес Бронсон, – но я был там.

– Где?

– У Пратта. Прошел лугом. Знаю, что обидел вас, когда сегодня утром не согласился с вами по поводу... случившегося. Я хотел осмотреть все сам. Я видел Пратта-младшего и этого Макмиллана.

– Чего вы хотели этим добиться?

– Ничего, наверное... Извините, если снова обидел вас. Это не входило в мои намерения. Я был осмотрителен. Видимо, мне не следовало оставаться здесь. Надо было бы уехать сегодня утром, но когда это случилось... Клайда нет в живых, и я здесь единственный из его нью-йоркских друзей. Мне показалось...

– Неважно, – грубо оборвал его Осгуд. – Оставайтесь, я же сказал...

– Знаю, но, честно говоря, я чувствую себя неловко. Я сейчас же уеду, если вы...

– Прошу прощения, – вмешался Вульф. – Лучше вам остаться, мистер Бронсон. Вы можете нам понадобиться.

– О, если Ниро Вульф говорит, чтобы я остался... – Он развел руками. – Но я могу переехать в гостиницу.

– Ерунда. – Осгуд нахмурился. – Вы же гость Клайда. Оставайтесь здесь. Но если вам захочется прогуляться по полям, там есть много других дорожек, кроме той, что ведет во владения Пратта.

Он двинулся вперед, и мы последовали за ним.

Несколькими минутами позже мы сидели в большой уютной комнате с окнами до пола и книжными шкафами вдоль стен. Нам прислуживала курносая девица, которая настолько же превосходила внешним видом праттовского Берта, насколько отставала от него в расторопности. Осгуд хмуро глядел на свой коктейль. Вульф потягивал пиво, которое, судя по выражению его лица, было слишком теплым, а я довольствовался чистой водой.

– В своей работе я пользуюсь только собственным методом, – брюзжал Вульф. – Я отбрасываю все несущественное. Факты таковы, сэр, что вчера вечером в присутствии мистера Гудвина вы вели себя неподобающим образом по отношению к нему и мистеру Пратту. Вы были грубы, самонадеянны и безрассудны. Мне надо знать, было ли это вызвано

эмоциональным потрясением, которое вы перенесли, уверенностью в том, что Пратт замешан в смерти вашего сына, или же таково ваше обычное поведение?

— Конечно, я был потрясен, — отрывисто произнес Осгуд. — Наверное, я несколько самонадеян, если вы хотите это так назвать. Мне бы не хотелось думать, что я груб, но в сложившейся ситуации я не мог вести себя с Праттом иначе. Считайте, что я всегда так себя веду, и забудем об этом.

— Откуда ваша неприязнь к Пратту?

— Черт побери, это не имеет никакого отношения к делу! Старая история, которая никак не связана...

— А не отвечает ли вам Пратт такой же неприязнью, способной толкнуть на убийство?

— Нет. — Осгуд сделал нетерпеливый жест и поставил бокал на стол. — Нет.

— Вы можете предположить другую причину, по которой Пратт мог бы желать смерти вашему сыну? Она должна быть правдоподобной.

— Я не могу придумать ни правдоподобную, ни неправдоподобную причину. Пратт мстителен и хитер, и в юности с ним случались припадки буйства. Его отец служил конюхом у моего отца. В припадке ярости он был способен на все...

— Не годится... — Вульф покачал головой. — Убийство задумано и осуществлено очень тщательно. Убийца был холоден и расчетлив.

— Не знаю. Ничего не знаю.

— Я задаю тот же вопрос в отношении Джимми Пратта.

— Я с ним не знаком. Никогда его не видел.

— Никогда не видели?

— Ну... возможно, видел. Но знакомства с ним не водил.

— А Клайд?

— Кажется, они встречались в Нью-Йорке.

— Вы не в курсе, имелись ли у Джимми Пратта причины желать смерти вашему сыну?

— Нет.

— Тот же вопрос в отношении Кэролайн Пратт.

— Ответ такой же. Они встречались в Нью-Йорке, но знакомство было поверхностным.

— Прошу прощения, шеф, — вмешался я. — Вы позволите мне сообщить кое-что новенькое?

— Конечно. — Вульф взглянул на меня.

— Клайд и Кэролайн Пратт были помолвлены, но дело разладилось.

— Так-так... — пробормотал Вульф.

Осгуд уставился на меня:

— Кто вам сказал эту чушь?

Я не обратил на него внимания и продолжал, обращаясь к Вульфу:

— Информация точная. Они были помолвлены довольно давно. Только Клайд, очевидно, скрывал от отца, что попался на удочку к одной из Праттов, к тому же спортсменке. Потом Клайд встретил другую особу и перекинулся к ней, а его дружба с Кэролайн затрещала по всем швам. Этой особой была девушка, с которой я вчера познакомился, Лили Роуэн. Позднее, а именно прошлой весной, она изменила курс и дала Клайду отставку. С тех пор он болтался в Нью-Йорке, пытаясь возобновить с ней отношения. Можно предположить, что он приехал сюда, надеясь увидеть ее здесь, но это только предположение. У меня не было возможности...

— Это недопустимо! — вскипел Осгуд. — Абсурдные сплетни! Если вы считаете...

— Спросите, почему он готов свернуть шею Лили Роуэн.

— Мистер Осгуд... — Вульф решил расставить все по местам. — Я предупреждал вас, что расследование убийства неизбежно связано с грубым вторжением в личную жизнь. Вы

должны смириться с этим или же прервать наши отношения. Возможно, вам претят вульгарные выражения мистера Гудвина. Не могу вас винить за это, но и помочь тоже ничем не могу. Если же вам не нравятся факты, давайте прекратим дело. Но факты нам необходимы. Так что же насчет помолвки вашего сына с мисс Пратт?

– Я впервые об этом слышу. Мой сын не говорил мне о помолвке, и дочь тоже, хотя она должна бы об этом знать. Она была дружна с Клайдом. Но я не могу в это поверить...

– И напрасно. Мой помощник очень осторожно обращается с фактами. А что вам известно об увлечении Клайда мисс Роуэн?

– Это... Вы понимаете, что все это абсолютно конфиденциально?

– Сомневаюсь. Думаю, что в Нью-Йорке по меньшей мере сотня человек знает об этом больше, чем вы.

– Я знаю только, что около года назад эта девица вскружила голову моему сыну. Он хотел жениться на ней. Она богата – вернее, у нее богатый отец. Она не желала выходить за Клайда замуж. Если бы эта девица вышла за него, она бы его погубила. Впрочем, она погубила его и так, во всяком случае начала губить. Клайд ей надоел, но она так глубоко запустила в него когти, что он не мог вырваться. Его невозможно было убедить вести себя как подобает мужчине. Он не хотел возвращаться домой и оставался в Нью-Йорке, потому что там была она. Он тратил уйму денег, и я перестал их ему посылать, но это не помогло. Не знаю, на что Клайд жил последние четыре месяца. Подозреваю, что, несмотря на мой запрет, ему помогала сестра. Я уменьшил и ее содержание. В мае я поехал в Нью-Йорк и унижался перед этой Роуэн, но без толку. Проклятая шлюха!

– Не совсем точно. Шлюха брала бы деньги. Однако пока что я не вижу у мисс Роуэн мотива для убийства. Скорее мотив был у мисс Пратт... Клайд бросил ее ради другой. К тому же она физически сильно развита. Женщина способна очень долго таить обиду. Когда ваш сын вернулся из Нью-Йорка?

– В воскресенье. Вместе с сестрой и своим приятелем Бронсоном.

– Вы знали о его приезде?

– Да, он позвонил из Нью-Йорка в субботу.

– К этому времени мисс Роуэн уже была у Праттов?

– Не знаю. О том, что она здесь, я узнал только вчера вечером от вашего помощника, когда был у Пратта.

– Она уже была там, Арчи?

– Понятия не имею, – покачал я головой.

– Ну, неважно. Я только пытаюсь отделить несущественное и сомневаюсь, что это обстоятельство имеет значение. – Вульф снова обратился к Осгуду: – Чем ваш сын объяснил свой приезд после столь долгого отсутствия?

– Он приехал... – Осгуд помедлил, затем сказал: – Они приехали на ярмарку.

– А на самом деле?

– Проклятье! – Осгуд сверкнул глазами.

– Я понимаю, мистер Осгуд. Мы обычно стараемся не полоскать грязное белье на людях. Зачем приехал Клайд? Просить денег?

– Откуда вы это узнали?

– Ниоткуда. Люди часто нуждаются в деньгах, а вы перестали посылать их сыну. Он вообще просил денег или имел в виду определенную сумму?

– Ему нужно было десять тысяч долларов.

– Вот как... – Вульф слегка поднял брови. – А зачем?

– Он отказался объяснить. Сказал только, что попадет в беду, если не получит денег. Ну ладно, раз уж я начал рассказывать... Он растратил кучу денег во время своей интрижки с этой женщиной. В мае я выяснил, что он увлекся карточной игрой. Это была одна из причин,

почему я перестал посылать ему деньги. Когда он попросил десять тысяч, я подумал, что дело в карточном долге, но он это отрицал.

– Вы дали ему деньги?

– Нет. Отказался наотрез.

– Он был настойчив?

– Очень. Произошла сцена, чертовски неприятная. А теперь... – Осгуд стиснул зубы и уставился в пространство. – А теперь он умер. Боже милостивый! Если бы я знал, что эти десять тысяч как-нибудь связаны...

– Пожалуйста, успокойтесь. Давайте работать. Я обращаю ваше внимание на совпадение, которое вы, возможно, уже заметили: вчера ваш сын заключил пари с Праттом именно на сумму в десять тысяч долларов. В связи с этим возникают кое-какие вопросы. Пратт отказался заключить с вашим сыном так называемое джентльменское пари, если вы за него не поручитесь. Насколько мне известно, он позвонил вам и вы гарантировали выплату в случае, если ваш сын проиграет. Это так?

– Так.

– М-да. – Вульф нахмурился, глядя на стоявшие перед ним две пустые бутылки. – Это несколько непоследовательно... Сначала вы отказываетесь дать десять тысяч, необходимые вашему сыну, чтобы избежать неприятностей, а затем с ходу соглашаетесь гарантировать точно такую же сумму в случае проигрыша пари.

– Вовсе не с ходу.

– У вас были особые причины полагать, что ваш сын выиграет пари?

– Какие к черту причины? Я даже не знал, по какому поводу заключается пари.

– Вы не знали? Ваш сын поспорил, что Пратт не зажарит Гикори Цезаря Гриндена на этой неделе.

– Нет. Тогда не знал. Дочь рассказала мне уже потом. Когда Клайда не стало.

– Разве Пратт не объяснил вам по телефону?

– Я не дал ему возможности. Когда я услышал, что Клайд находился у Тома Пратта и побился с ним об заклад и что у Пратта хватало наглости спрашивать, поручусь ли я за своего сына... Неужели вы думаете, я буду дознаваться у этой скотины о подробностях? Я сказал ему, что немедленно выплачу любую сумму, которую мой сын может ему проспорить, будь это десять тысяч долларов или в десять раз больше, и повесил трубку.

– Когда ваш сын вернулся домой, он не рассказал вам, в чем заключалось пари?

– Нет. Произошла еще одна сцена. Раз уж вы... тогда знайте всё. Когда появился Клайд, я был вне себя от гнева и потребовал объяснений. Я вспылil, он тоже. Я обвинил его в предательстве. В том, что он заключил с Праттом фиктивное пари, вынуждая меня выплатить деньги, которые Пратт затем передаст ему. После этого он ушел. Как я уже сказал, я только потом выяснил, в чем состояло пари и как оно было заключено. Я сел в машину и поехал в Кроуфилд к одному своему старому другу. Я не хотел ужинать дома с дочерью, женой и Бронсоном, приятелем Клайда. Мое присутствие испортило бы весь ужин, обстановка и так была достаточно накаленной. Около десяти вечера я вернулся и застал жену в слезах, она рыдала у себя в комнате. Примерно через полчаса позвонил племянник Пратта, и я отправился туда. Вот куда мне пришлось пойти, чтобы увидеть моего мертвого сына...

Осгуд умолк, и Вульф вздохнул:

– Это очень плохо... То, что вас не было дома. Я надеялся узнать, когда, при каких обстоятельствах, куда и зачем ушел Клайд, а вы не можете мне это сообщить.

– Нет, могу. Моя дочь и Бронсон мне рассказали...

– Прошу прощения. Если вы не возражаете, я хотел бы услышать это от них самих. Который час, Арчи?

– Десять минут шестого, – сказал я.

– Спасибо. Вы понимаете, мистер Осгуд, что мы ищем иголку в стоге сена. Сотни людей в округе знают вашего сына. Один из них, а может быть, несколько могли достаточно сильно ненавидеть или бояться Клайда, чтобы желать его смерти. Несмотря на то что мой помощник держал загон под наблюдением, кто угодно сумел бы незаметно подобраться к дальнему концу выпаса. Ночь стояла темная. Но мы начнем расширять поле наших поисков только тогда, когда нас принудят к этому обстоятельства. Поэтому сначала давайте закончим с теми, кто был у Пратта в тот вечер. Что можно сказать о Макмиллане?

– Я знаю Монт Макмиллана всю свою жизнь. Даже если бы он застал Клайда в тот момент, когда мальчишка пытался вытворить какую-нибудь идиотскую штуку с быком, бог мой, Монт не убил бы его. И вы сами говорите...

– Я знаю. Клайда за этим не застали. – Вульф вздохнул. – Всех, кажется, перебрали. Пратт, Макмиллан, племянник, племянница, мисс Роуэн... И никаких намеков на возможные мотивы. Я полагаю, поскольку ваш дом расположен всего в миле от дома Пратта, можно сказать – по соседству, нам следует поговорить и о тех, кто находился здесь. Что вы можете сообщить о Бронсоне?

– Ничего. Клайд приехал с ним и представил как своего друга.

– Старого друга?

– Не знаю.

– Раньше вы никогда о нем не слышали?

– Нет.

– Как насчет людей, которые у вас работают? Кто-нибудь из них имел зуб на вашего сына?

– Нет, абсолютно никто. В течение трех лет Клайд управлял фермой. Он был компетентен, его уважали и даже любили. Разве что... – Осгуд вдруг замолк, приоткрыв рот, а затем продолжил: – Бог мой, я только сейчас вспомнил... Но нет, это смешно.

– Что именно?

– Так... Один наш бывший работник. Два года назад у нас пал теленок от племенной коровы. Клайд обвинил этого человека и выгнал. С тех пор тот постоянно болтает, что был не виноват, и, как мне говорили, высказывает разные дикие угрозы. Когда об этом начинаешь думать... Теперь он служит на ферме у Пратта. Пратт нанял его прошлой весной. Зовут этого малого Дейв Смолли.

– Он был там вчера вечером?

– Возможно.

– Конечно был, – вмешался я. – Вы же его помните. Это он противился тому, чтобы вы использовали валун в качестве зала ожидания.

Вульф оглядел меня.

– Ты имеешь в виду того идиота, который сидел на заборе и размахивал ружьем?

– Угу. Это и есть Дейв Смолли.

– Фу! – Вульф чуть не плюнул. – Он не подходит, мистер Осгуд. Вы же сами совершенно справедливо заметили, что убийца должен был отличаться умом и сообразительностью. Дейв не виновен.

– Он много всего болтал.

– Слава богу, мне не пришлось этого слышать. – Вульф поудобнее устроился в большом мягком кресле. – Продолжим. Перед разговором с вашей дочерью я хочу высказать несколько соображений. Во-первых, должен предупредить, что, несмотря на мои попытки убедить Уодделла в противном, официальная версия почти наверняка будет состоять в том, будто ваш сын сам залез в загон, намереваясь что-то сделать с быком. Они узнают, как Клайд побился об заклад с Праттом, что тот не зажарит Гикори Цезаря Гриндена на этой неделе, и станут утверждать, будто для выигрыша Клайду всего-то и требовалось задержать пир-

шествво на пять дней, что он, возможно, и попытался сделать. Их заворожат слова «на этой неделе». Условия пари и в самом деле заключают в себе кое-что важное, но как раз этого они и не заметят.

– Что же там важного? Это было чертовски глупое...

– Нет. Тут я с вами не соглашусь. Отнюдь не глупое. В свое время я объясню вам важность этой формулировки. Во-вторых, мы должны уважительно относиться ко всему, что делает мистер Уодделл. Если он станет оскорблять вас, не поддавайтесь раздражительности и не позволяйте себе посылать его к черту. Нам могут понадобиться собранные им факты. Многие из них. Например, сведения о том, чем занимались все, кто был в доме Пратта, вчера вечером, между девятью и десятью тридцатью. Сам я этого не знаю, поскольку в девять часов почувствовал тягу к уединению и поднялся к себе в комнату почитать. Нам понадобится также медицинское заключение о времени смерти вашего сына. Можно предположить, что она произошла не ранее чем за пятнадцать минут до обнаружения тела мистером Гудвином, но заключение специалиста будет более точным. Нам необходимо знать, подтвердятся ли мои слова относительно следов крови на траве около шланга и на ручке кирки, и многое другое. В-третьих, я хотел бы повторить вопрос, ответа на который от вас не получил, а именно: почему вы ненавидите Пратта?

– Я же сказал, что это никак не связано с делом!

– В любом случае ответьте мне. Конечно, это бестактно с моей стороны, но мне самому придется решать, имеет это отношение к делу или нет.

– Тут нет никакого секрета. – Осгуд пожал плечами. – Это известно здесь всем. Никакой ненависти к нему я не питаю – только презрение. Я вам рассказывал, что его отец был конюхом у моего отца. В юности Том был дик и буен, но не лишен честолубия, если это можно так назвать. Он ухаживал за одной девушкой по соседству и вынудил ее дать согласие на брак. Когда я вернулся домой после колледжа, мы с ней встретились, влюбились друг в друга и поженились. Том уехал в Нью-Йорк и больше не появлялся. Очевидно, все это время он таил обиду, потому что лет восемь назад начал мне досаждать. Он разбогател и стал использовать свои деньги и всю свою изобретательность, чтобы уязвить меня или причинить мне неприятности. Затем, два года назад, он купил землю рядом с моей и построил дом, что еще больше осложнило ситуацию.

– Вы пробовали отплатить ему?

– Если я когда-нибудь попробую отплатить ему, то только хлыстом. Я предпочитаю не обращать на него внимания.

– Хлыст очень уж недемократичное орудие. Вчера днем ваш сын обвинил Пратта в том, что тот хочет зажарить Цезаря с единственной целью – оскорбить вас. Клайд считал, что если зажарят и съедят быка, превосходящего по всем показателям вашего лучшего производителя, то это унизит вас и выставит на всеобщее осмеяние. Мне эта мысль показалась надуманной. Пратт утверждал, что устраивает барбекю из рекламных соображений.

– Меня это не интересует. Какая разница?

– Наверное, никакой. Но факт остается фактом: в нашем деле бык – центральная фигура, и было бы ошибкой об этом забыть. Конечно, стоит помнить и о Пратте. Вы отвергаете возможность, что давняя обида заставила его пойти на убийство?

– Да. Он не сумасшедший... По крайней мере, я так думаю.

– Хорошо. – Вульф вздохнул. – Пошлите, пожалуйста, за вашей дочерью.

Осгуд нахмурился.

– Она у матери. Вы настаиваете на разговоре с ней? Я знаю, что вы компетентны в таких вопросах, но, как мне кажется, расспросами нужно заниматься не здесь, а в доме Пратта.

– Вы мне платите именно за компетентность. Следующей будет ваша дочь. У Пратта сейчас Уодделл, которому и подобает там быть как представителю властей. – Вульф поднял палец. – С вашего разрешения.

Осгуд поднялся и, подойдя к столу, нажал кнопку звонка. Вернувшись на место, он тремя глотками проглотил свой коктейль, который к этому времени, видимо, стал таким же теплым, как и пиво Вульфа. Появилась курносая девица и получила указание пригласить мисс Нэнси.

– Не понимаю, чего вы хотите добиться, Вульф, – заявил Осгуд. – Если считаете, что, поговорив со мной, вы исключили из числа подозреваемых всех находившихся у Пратта...

– Ни в коей мере. Я никого не исключил. – Голос Вульфа звучал слегка раздраженно, и я сообразил, что настало время попросить у курносой девицы еще пива, и похолоднее. – Единственный способ окончательно исключить любого человека из числа подозреваемых в убийстве – это найти настоящего убийцу. Трудно ожидать, что вы поймете цель, которой я добиваюсь. В противном случае вы бы и сами с успехом вели расследование. Могу предложить вам попробовать силы на одной частной проблеме. Например, что, если мисс Роуэн – сообщница убийцы? Вчера вечером она и мистер Гудвин битый час просидели на подножке машины, которую мой помощник разбил о дерево. Не подстроена ли эта встреча специально, чтобы отвлечь его, пока совершалось преступление? Или, если вы предпочитаете другой тип задачи...

Он скорчил гримасу, умолк и приготовился встать. Я тоже поднялся, а Осгуд направился к двери, навстречу своей дочери и женщине в темном платье, с высокой прической. Осгуд пытался уговорить женщину уйти, однако она подошла к нам. Пришлось ему нас представить:

– Мистер Ниро Вульф, Марсия. Его помощник, мистер Гудвин. Моя жена. Послушай, дорогая, тебе нет смысла оставаться здесь. Это ничем не поможет...

Пока Осгуд уговаривал жену, я с вежливым видом разглядывал ее. Кое-кто, возможно, счел бы еще красивой эту фермерскую дочку, которая, согласно одной из версий, несла ответственность за злосчастную затею Тома Пратта зажарить Гикори Цезаря Гриндена. Мне трудно определить, красива ли женщина, которой идет пятый десяток, из-за склонности сосредоточиваться на подробностях, теряющих привлекательность в этом возрасте. Да и вообще судить о ней сейчас было бы несправедливо: глаза покраснели и распухли от слез, все лицо в красных пятнах.

– Фред, уверяю тебя, я не буду помехой, – убеждала она мужа. – Нэнси мне все рассказала. Ты прав, наверное... Ты всегда прав... Только не смотри на меня так. Ты совершенно прав, что хочешь все выяснить, но я не могу оставаться одна. Ты же знаешь, Клайд всегда говорил, что без меня у него никакое дело не ладится... – Губы ее задрожали. – И если вы будете говорить о нем с Нэнси, я хочу присутствовать.

– Поверь, Марсия, в этом нет никакой необходимости. – Осгуд взял ее за руку. – Если бы ты...

– Прошу прощения, – нахмурился Вульф и заговорил решительным тоном: – Выйдите, пожалуйста, оба. Я хочу поговорить с мисс Осгуд наедине. Не забывайте, сэр, что я работаю, и работаю на вас. Как бы мне ни хотелось посочувствовать вашему горю, я не могу позволить вам мешать моей работе. Я делаю все, что нужно.

Осгуд пристально посмотрел на Вульфа и обернулся к жене:

– Пойдем, Марсия.

Я догнал его в дверях.

– Извините, но было бы хорошо, если бы ему принесли еще пива. Бутылки три, и похолоднее.

Глава десятая

Нэнси села в освободившееся кресло с гораздо более неприступным видом, чем того требовала ситуация, особенно если учесть, что Вульф нанял ее отец. Разумеется, она только что потеряла брата, и от нее не стоило ждать жизнерадостности, но эта скованность казалась неестественной и враждебной.

Вульф смотрел на нее, откинувшись назад и полуопустив веки.

– Я постараюсь быть как можно более кратким, мисс Осгуд, – начал он ласково. – Мне кажется, в отсутствие ваших родителей мы быстрее достигнем цели.

Она кивнула. Вульф продолжал:

– Я должен как можно подробнее проследить действия вашего брата после того, как он вчера покинул дом Пратта. Скажите, вы, Бронсон и он ушли вместе?

– Да. – Голос ее был низким и уверенным.

– Что вы делали после того, как ушли?

– Прошли через лужайку к машине, сели в нее и поехали. Хотя нет, Клайд задержался, потому что его позвал Макмиллан. Клайд вылез и подошел к нему, они поговорили с минуту, затем Клайд вернулся, и мы поехали домой.

– Вы слышали их разговор?

– Нет.

– Он не походил на ссору?

– Не думаю.

Вульф кивнул.

– Макмиллан ушел за вами с террасы, объявив, что намерен посоветовать вашему брату не делать глупостей. Значит, он исполнил это намерение без шума.

– Они просто поговорили, и всё.

– Понятно. Вы вернулись домой, и Клайд имел разговор с отцом.

– Разве?

– Мисс Осгуд, ваша скрытность лишь задерживает нас. – Вульф поднял палец. – Ваш отец описал неприятную, как он ее назвал, сцену, которая произошла между ним и Клайдом. Она разыгралась сразу же после вашего приезда домой?

– Да, папа ждал нас на крыльце.

– Разъяренный телефонным звонком Пратта. Вы присутствовали при этой сцене?

– Нет. Они ушли в библиотеку... сюда, в эту комнату. Я поднялась наверх, чтобы привести себя в порядок. Ведь мы пробыли в Кроуфилде почти целый день.

– Когда вы снова увидели вашего брата?

– За ужином.

– Кто был за столом?

– Мама, я, Бронсон и Клайд. Папа куда-то уехал.

– В какое время закончился ужин?

– Чуть позже восьми. Здесь, в деревне, мы ужинаем рано, а вчера тем более не засиживались, потому что было совсем невесело. Мама сердилась. Отец рассказал ей о пари, которое Клайд заключил с Монте-Крис... с Праттом, а Клайд сидел мрачный.

– Вы назвали Пратта Монте-Кристо?

– Оговорились, простите.

– Разумеется. Не тревожьтесь, вы никого не предаете. Ваш отец рассказал мне о мстительности Пратта. Вы назвали его Монте-Кристо?

– Да, мы с Клайдом так его называли... – Ее губы дрогнули, но она сдержалась. – Когда мы придумали это прозвище, оно показалось нам смешным.

– Вполне возможно. А теперь, пожалуйста, расскажите, что вы делали после ужина.

– Я пошла с мамой в ее комнату, мы немного поговорили, а затем я отправилась к себе.

Позже спустилась посидеть на веранде. Когда отец вернулся, я была еще там.

– А Клайд?

– Не знаю. Я не видела его после ужина.

Ложь удавалась ей плохо, она не умела лгать. Вульф учил меня, что одно из самых важных условий для успешной лжи – расслабить голосовые связки и мышцы гортани. В противном случае приходится прилагать дополнительные усилия, чтобы протолкнуть ложь сквозь горло, а от этого человек говорит быстрее, повышая голос, и к щекам приливает кровь. У Нэнси Осгуд все эти признаки были налицо. Я взглянул на Вульфа, но он спокойно задал следующий вопрос:

– Итак, вы не знаете, когда ваш брат вышел из дому?

– Нет, – ответила она и повторила: – Нет.

– Жаль. Разве он не сказал вам или вашей матери, что собирается к Пратту?

– Насколько я знаю, он никому об этом не говорил.

Нас прервал стук в дверь. Я встретил курносую девицу и взял у нее поднос с тремя бутылками пива. Потрогав одну из них и одобрив температуру, я отнес пиво Вульфу. Он открыл бутылку и предложил пива Нэнси. Та, поблагодарив, отказалась. Вульф выпил, поставил пустой стакан на стол и вытер губы платком.

– Итак, мисс Осгуд, – сказал он изменившимся тоном, – у меня есть и другие вопросы к вам, но этот вопрос, возможно, самый существенный из всех. Когда ваш брат рассказал вам, каким образом он рассчитывает выиграть пари с Праттом?

Она секунду смотрела на Вульфа, затем довольно естественным, как мне показалось, голосом ответила:

– Он вообще мне этого не говорил. С чего вы взяли?

– Это представляется мне весьма вероятным. Ваш отец утверждает, что вы с братом были очень дружны.

– Да.

– И брат ничего не рассказал вам о пари?

– Ему незачем было рассказывать. Я же присутствовала при этом. А как он рассчитывал его выиграть, Клайд мне не сказал.

– О чем вы говорили, возвращаясь домой от Пратта?

– Ни о чем особенном.

– Поразительно. Неужели вы не говорили о только что заключенном и таком необычном пари?

– Нет. Бронсон был... От Пратта до нас всего минуты две езды.

– Бронсон был – что?

– Ничего. Он был с нами, вот и все.

– Он старый друг вашего брата?

– Он не... Нет, не старый друг.

– Но все же, видимо, приятель, раз вы с братом пригласили его сюда?

– Да, – отрезала Нэнси. Непреклонная особа.

– Он и ваш приятель?

– Нет. – Она слегка повысила голос. – Почему вы спрашиваете меня о Бронсоне?

– Моя милая девочка, – Вульф пожевал губами, – вы должны изменить свое отношение к делу. Я всего лишь инструмент возмездия, к помощи которого решил прибегнуть ваш отец. В наши дни божества мщения носят пиджаки и брюки, пьют пиво и работают за деньги, но задачи их не изменились и должны быть исполнены без всякой жалости. Я намерен найти убийцу вашего брата. В эти поиски входит проверка всех доступных фактов. Я займусь

мистером Бронсоном так же, как и всеми другими, кто имел несчастье находиться недалеко от места преступления. Возьмем, к примеру, мисс Пратт. Вы одобряли ее помолвку с вашим братом?

Нэнси оцепенела, беззвучно открыла и закрыла рот.

Вульф покачал головой.

– Я не пытаюсь хитрить, привести вас в замешательство, загнать в угол. Мне вряд ли придется к этому прибегать – вы сделали себя слишком уязвимой. Чтобы вы это поняли, вот несколько вопросов, на которые я желал бы получить ответ. Почему, несмотря на все отвращение, которое внушает вам Бронсон, вы позволяете ему оставаться здесь в качестве гостя? Я знаю, что вы его не выносите. Вчера на террасе у Пратта он случайно задел вас, и вы отшатнулись от него как от зачумленного. Почему вы предпочитаете свалить все на быка? Я знаю это, потому что видел, какое облегчение отразилось на вашем лице, когда, рассерженный неучтивостью вашего отца, я хотел уйти. Почему вы сказали, что не видели брата после ужина? Я знаю, это ложь, потому что наблюдал за вами в тот момент. Видите, как вы себя разоблачили?

Нэнси вскочила. Губы ее сжались еще сильнее, чем раньше. Она сделала шаг к двери и сказала:

– Мой отец... Я спрошу, хочет ли он...

– Ерунда, – оборвал ее Вульф, – пожалуйста, сядьте. Ваш отец хочет узнать, кто убил его сына. Этому сейчас подчинены все прочие соображения, включая достоинство и душевное спокойствие его дочери. Вы все равно ничего не добьетесь, скрывая факты. Вы должны дать удовлетворительные и полные ответы на мои вопросы. И для вас будет лучше, если вы ответите мне, здесь и сейчас.

– Но вы не должны этого делать. – Нэнси нервно взмахнула рукой. У нее задрожал подбородок, однако она сдержалась. – Не должны...

Она выглядела настоящей красавицей, попавшей в беду. Будь на месте Вульфа кто-нибудь другой, я уложил бы его одним выстрелом и умчался бы, перебросив ее через седло.

– Теперь вы видите, как обстоит дело, – нетерпеливо начал Вульф. – Садитесь. Проклятье! Или вы хотите, чтобы я позвал вашего отца и мы вдвоем начали на вас кричать? Вам придется рассказать обо всем, потому что мы должны знать факты, неважно, пригодятся они нам или нет. Вы не сможете их скрыть. К примеру, вашу неприязнь к Бронсону. Мне будет достаточно взять телефонную трубку и позвонить в Нью-Йорк одному толковому и старательному человеку по имени Сол Пензер. Он разузнает все, что касается Бронсона, вас и вашего брата. Вы же видите, как глупо заставлять нас попусту тратить время и деньги. Итак, о Бронсоне. Кто он?

– Если я расскажу вам о Бронсоне... – Она попыталась овладеть своим голосом. – Нет, я не могу. Я обещала Клайду...

– Клайда нет в живых. Говорите, мисс Осгуд. Мы все равно узнаем, уверяю вас.

– Да... Наверное... – Она выпрямилась, закрыла лицо ладонями и замерла.

– Говорите, – резко приказал Вульф. – Кто такой Бронсон?

Она медленно подняла голову.

– Мошенник.

– Профессиональный? Чем он занимается?

– Не знаю. Я его не знаю. Я познакомилась с ним всего несколько дней назад. Знаю только, что Клайд... – Она умолкла, глядя на Вульфа и словно надеясь на какое-то чудо, которое избавит ее от пытки. – Ладно, – решила она. – Я думала, у меня хватит мужества. Что это даст? Кому это поможет, если вы, или папа, или еще кто-нибудь будет знать, что его убил Бронсон?

– Вы уверены?

– Да.

– Бронсон убил вашего брата?

– Да.

– Так-так. И вы это видели?

– Нет.

– Был ли у него повод для убийства?

– Не знаю. Во всяком случае, дело не в деньгах. У Клайда их не было.

Вульф откинулся назад и вздохнул.

– Ну что ж, – пробормотал он, – нам придется это выяснить. А какие деньги Бронсон хотел получить и почему?

– Те, которые ему задолжал Клайд.

– В количестве, я полагаю, десяти тысяч долларов? Не спрашивайте, пожалуйста, откуда я знаю. И Бронсон настаивал на уплате?

– Да. За этим он и приехал. Клайд надеялся получить эту сумму у отца. Он должен был уплатить на этой неделе или же... – Она замолкла, в отчаянии вскинула и опустила руки. – Я прошу вас, – взмолилась она, – пожалуйста... Я обещала Клайду никому про это не говорить.

– Это обещание умерло вместе с ним. Поверьте мне, мисс Осгуд, если бы вы не были так потрясены и опечалены, то по-иному смотрели бы на вещи. Эти деньги Клайд одолжил у Бронсона?

– Нет. Бронсон заплатил ему...

– За что?

Вульф терпеливо вытянул из нее всю историю, суть которой была коротка и не очень приятна. Клайд потратился на Лили Роуэн, затем последовали другие траты. Он лишился поддержки отца, брал деньги у сестры, одалживал у приятелей. Потом он решил поправить дела за карточным столом, но слишком поздно обнаружил, что фортуна повернулась к нему спиной.

Когда он сидел по уши в долгах, некий Говард Бронсон помахал у него перед носом солидной пачкой купюр и выразил желание быть принятым в определенных кругах, включая два самых привилегированных карточных клуба в Нью-Йорке. Фамильные связи Клайда открывали ему доступ почти всюду. Клайду деньги требовались немедленно, и он согласился.

Он рассчитался с долгами, а остаток спустил за карточным столом. Он во всем признался сестре, и ее ужас в сочетании с его запоздалым презрением к самому себе помогли Клайду осознать, что он взял на себя обязательство, которое не может выполнить ни один Осгуд. Он уведомил об этом Бронсона, пообещав возвратить десять тысяч долларов при первой возможности.

Но тут Бронсон показал когти и потребовал выполнить обязательства или же немедленно вернуть деньги. Сложность состояла в том, что Клайд опрометчиво дал расписку, в которой говорилось и о том, что Бронсон должен получить в обмен, – мошенник грозил предать ее гласности. Дело принимало дурной оборот.

Тогда Клайд решил использовать свой последний шанс – поехать в Кроуфилд и попросить денег у отца. Но Бронсон уже настолько не доверял ему, что настоял на том, чтобы поехать вместе с Клайдом. Отделаться от него было невозможно. Нэнси поехала тоже, чтобы помочь уговорить отца.

Отец, однако, был непреклонен, и в понедельник стало похоже, что Клайду остается только во всем признаться отцу. Это было бы хуже худшего, но тут на террасе у Пратта фортуна снова повернулась к Клайду своим прелестным личиком, и ему удалось заключить пари.

Вульф терпеливо вытянул из Нэнси все это вместе с различными мелкими подробностями и датами. Допив вторую бутылку пива, он сообщил, что, хотя эти сведения явно говорят о сомнительной репутации Бронсона, они совершенно не раскрывают возможного мотива убийства.

– Знаю, – вымолвила Нэнси. – Я же говорила вам, что он убил не из-за денег, – их у Клайда и не было. Если бы были, он рассчитался бы с Бронсоном.

– И все же вы утверждаете, что Клайда убил Бронсон?

– Да.

– Почему?

– Потому что я видела, как Бронсон пошел вместе с Клайдом к ферме Пратта.

– Вот как! Вчера вечером?

– Да.

– Расскажите.

Она уже и так рассказала многое, а теперь стала выкладывать все, что осталось.

– Было около девяти часов, может чуть позже, когда я ушла от мамы, чтобы разыскать Клайда и узнать, зачем он заключил это пари с Праттом. Я боялась, что он собирается сделать какую-нибудь глупость. Около теннисного корта я увидела Клайда, который разговаривал с Бронсоном, но, когда я подошла, они замолчали. Я сказала, что должна поговорить с ним, и мы отошли в сторонку, однако он ничего не захотел объяснить. Я убеждала, что почти наверняка смогу достать деньги через маму, напредила его обещание не делать глупостей и добавила, что, если он сделает еще одну, это может плохо кончиться. Ну, и дальше в том же духе. Он возразил, что на этот раз я ошибаюсь, а он прав, что он не собирается делать никаких глупостей, что он открыл новую страницу в своей жизни и ведет себя разумно и практично и что я соглашусь с ним, когда все узнаю, но вдаваться в подробности не хотел. Я пыталась настаивать, но Клайд уперся.

– У вас не создалось никакого представления о том, что он задумал?

Нэнси покачала головой:

– Ни малейшего. Он дал понять, что не помешает Пратту зарезать быка.

– Вы помните это дословно?

– Ну, он сказал: «Я не собираюсь никому причинять вреда, даже Монте-Кристо, разве что выиграю у него деньги. Я не буду мешать этому его дурацкому барбекю. Он ничего не поймет, пока все не кончится, если я все устрою, как хочу». Вот, кажется, и все.

– Он что-нибудь говорил еще о барбекю, или о быке, или о ком-нибудь из тех, кто был у Пратта?

– Нет, ничего.

– Вы оставили его на улице?

– Да. Я поспешила домой, переделалась в темный свитер и юбку и вышла из дома через дверь в западном крыле, потому что на веранде горел свет и я не хотела, чтобы меня видели. Я не знала, собирается ли Клайд куда-то идти или что-то делать, но хотела это выяснить. Поначалу я не могла его найти. Там, куда не падал свет с веранды, было совершенно темно. Я походила кругом, вглядываясь и вслушиваясь изо всех сил, но Клайда нигде не было. Все машины стояли в гараже, но даже если бы он взял машину или один из грузовиков, я бы наверняка услышала. Если он замыслил что-нибудь, то это могло произойти только у Пратта, поэтому я решила отправиться туда. Я прошла через рощу и вышла на луг. Это самый короткий путь. Затем я перешла через другое поле к лесополосе...

– И все в темноте? – осведомился Вульф.

– Конечно. Я знаю здесь каждый фут, я же здесь выросла. Я вполне могла найти дорогу и в темноте. Я прошла около половины пути вдоль лесополосы, когда увидела впереди свет фонарика. Тут я сделала ошибку. Я побежала, чтобы посмотреть, не Клайд ли это, и наде-

лала шума. Луч фонарика осветил в мою сторону, раздался голос Клайда, и мне стало ясно, что прятаться нет смысла. Я отозвалась. Подошел Клайд. С ним был Бронсон. Он держал дубинку – просто обломок ствола тонкого дерева. Клайд был очень зол. Я потребовала рассказать мне, что он собирается делать, и это еще больше его разозлило. Он сказал... В общем, неважно, что он сказал. Он велел мне вернуться и лечь спать.

– Так и не раскрыл своих планов?

– Да. Он не хотел ничего говорить. Я пошла домой, как обещала. Если бы только я не послушала его! Если бы только...

– Вряд ли это изменило бы что-нибудь. Не укоряйте себя. У вас и без того хватает огорчений, мисс Осгуд. Но вы еще не сказали, почему считаете, что вашего брата убил Бронсон.

– Почему? Он вместе с ним пошел к Пратту. Он из тех людей, которые способны на любую подлость.

– Ерунда. Вы не спали эту ночь и сейчас плохо соображаете. Когда вернулся Бронсон?

– Не знаю. Я сидела на веранде, пока не приехал папа.

– Тогда вот вам задание. Вас надо чем-нибудь занять. Выясните, не видел ли кто-нибудь из прислуги, когда вернулся Бронсон. Это может сэкономить нам время, – Вульф выпятил губы и снова поджал их. – Было бы логично, если бы Бронсона беспокоило, что вчера вечером вы видели его вместе с Клайдом, но его это не беспокоит. Вы не знаете почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.